

Амбре Натар

Баг в небе

Амбре Науар

Баг в небе

«Автор»

2026

Науар А.

Баг в небе / А. Науар — «Автор», 2026

Обычный офисный работник замечает, что облака зависли — они не двигаются уже три часа. Сначала он думает, что ему показалось. Потом замечает, что один и тот же голубь пролетает мимо окна каждые 47 секунд. Он начинает считать. Потом замечает, что у коллеги напротив одно и то же выражение лица — лёгкая улыбка, поворот головы, вздох. Цикл повторяется. Он пытается с кем-то заговорить, но все отвечают заученными фразами. К вечеру он понимает: мир не сломался. Мир никогда не работал как надо. И он — единственный, кто это заметил. Он выходит на улицу и видит за горизонтом чёрную стену с мигающим курсором. Кто-то печатает новую реальность...

© Науар А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Сорок семь секунд	5
Глава 2 Чёрная стена	14
Глава 3 Север	24
Глава 4 Сквозь	31
Глава 5 Автор	35
Глава 6 Новый цикл	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Амбре Науар

Баг в небе

Глава 1 Сорок семь секунд

Артём Викторович Жуков проснулся в 6:47, как и каждый день.

Не в 6:46 и не в 6:48. Именно в 6:47. Будильник на телефоне звонил ровно тридцать секунд — он всегда ставил тридцать, потому что за это время успевал открыть глаза, потянуться и ударить по кнопке «отложить» ровно на девять минут. Девять минут — это оптимально. Достаточно, чтобы мозг включился, но недостаточно, чтобы успеть заснуть снова.

Он знал это про себя. Знал, что будильник звонит в 6:47. Знал, что откладывает на девять минут. Знал, что в 6:56 встаёт, потому что если не встать — опоздает на автобус 7:12, а если опоздает на 7:12 — придётся ждать 7:34, а автобус в 7:34 всегда переполнен, и тогда он будет стоять у задней двери, прижатый к чьему-то мокрому зонту, и весь день пахнуть чужой сыростью.

Артём не любил чужую сырость.

Он сел на край кровати. Пол был холодный — батареи в доме отключили вчера на профилактику и к утру квартира остыла до температуры, которую он мысленно называл «температура одиночества». Не потому что был одинок. Просто так звучало точнее.

Ванная. Зубная щётка. Умывание. Он смотрел на себя в зеркало и видел лицо, которое видел каждое утро: тридцать четыре года, тёмные круги под глазами, щетина, которая к вечеру превращалась в бороду, а к утру — в нечто среднее между бородой и грязью. Волосы — русые, с проседью на висках, которую он заметил год назад и с тех пор старался не замечать. Глаза — серые. Ничего особенного.

Он почистил зубы. Две минуты. Не больше, не меньше. Таймер на электрической щётке мигал зелёным, потом красным, потом щётка вибрировала — сигнал, что пора заканчивать. Артём выключил её, прополоскал рот, вытер лицо полотенцем — тем самым, синим, с вышитой буквой «А», подарок мамы на прошлый день рождения.

Кухня. Чайник. Две ложки растворимого кофе — не больше, потому что от трёх ложек у него начинало трястись левое веко. Он заметил это давно и занёс в категорию «факты о себе, которые лучше не обсуждать с врачами».

Он стоял у окна и пил кофе. За окном был ноябрь — серый, мокрый, пахнувший мокрым асфальтом и чем-то ещё, чему Артём не мог подобрать название. Что-то между железом и тревогой. Он всегда чувствовал этот запах в ноябре и никогда не мог объяснить, откуда он берётся.

Двор внизу выглядел как декорация к фильму, который никто не снимает. Детская площадка — пустая, потому что в ноябре дети сидят дома. Скамейка — мокрая. Машины — припаркованные в тех же местах, что и вчера и позавчера. Серый «Солярис» у подъезда. Чёрный «Крузак» чуть дальше. Белый фургон с надписью «Сантехник Игорь» — он стоял там уже неделю и Артём подозревал, что Игорь либо уехал в отпуск, либо умер, либо фургон прирос к асфальту.

Артём допил кофе. Помыл чашку. Поставил её на сушилку ручкой вправо — всегда вправо, потому что если поставить влево, ручка упирается в стену, и ему приходится переставлять, а это лишнее движение, а лишние движения — это энтропия, а энтропия — это хаос, а хаос — это не его стиль.

Он оделся. Серые брюки. Синяя рубашка. Тёмно-серый пиджак. Те же ботинки, что и вчера — коричневые, с потёртостями на носках. Он посмотрел на себя в прихожей и подумал: «Я выгляжу как человек, который идёт на работу и на которую не хочет возвращаться». Потом подумал: «Все так выглядят». Потом добавил: «Нет, не все. Некоторые выглядят как люди, которые идут на работу, на которую хотят вернуться. Но их мало».

Он вышел из квартиры в 7:03. Закрыв дверь. Повернул ключ два раза — сначала вправо, потом влево. Проверил, закрыта ли дверь. Проверил ещё раз. Пошёл к лифту.

Лифт был на первом этаже. Это было необычно — обычно в это время он стоял на пятом, потому что соседка с четвёртого, Валентина Петровна, спускалась за хлебом ровно в 7:05. Но сегодня лифт ждал его на первом, двери были открыты и внутри горел свет.

Лифт поднялся, Артём вошёл, нажал «1». Двери закрылись. Лифт поехал вниз — хотя он и так был на первом этаже. Странно. Может, датчик сбоил. Бывает.

На улице было холодно. Артём поднял воротник пиджака и пошёл к остановке. Шаг — примерно семьдесят пять сантиметров. Он знал это, потому что однажды мерил. Не потому что ему было интересно. Просто однажды он шёл и думал о чём-то и ему показалось, что шаги стали короче, и он решил проверить. Оказалось — семьдесят пять сантиметров. С тех пор он иногда проверял. Всегда семьдесят пять.

Остановка. Скамейка. Ещё двое людей — мужчина в чёрной куртке и женщина с красным зонтом, хотя дождя не было. Артём сел на скамейку, достал телефон, открыл новости. Ничего нового. Война где-то. Скандал где-то. Курс доллара. Прогноз погоды — «облачно, без осадков, температура плюс три».... Он закрыл новости. Открыл мессенджер. Три непрочитанных сообщения от мамы: «Доброе утро, сынок», «Не забудь шапку», «Я тут пирог испекла, заедешь?». Он ответил: «Доброе, мам. Заеду в выходные». Отправил. Убрал телефон.

Автобус пришёл в 7:12. Точно в 7:12. Артём сел у окна — третье сиденье слева. Он всегда садился на третье слева, потому что оттуда лучше видно дорогу и если что-то пойдёт не так, он успеет среагировать. Хотя он не знал, на что именно он должен реагировать. Просто «если что-то пойдёт не так» звучало разумно.

Автобус ехал по привычному маршруту: мимо магазина «Пятёрочка», мимо аптеки, мимо школы, у ворот которой стояла охранница в оранжевом жилете — она всегда стояла там в это время, с чашкой кофе в руке, и смотрела на дорогу с выражением лица, которое Артём мысленно называл «профессиональная скука».

Мимо парка. Мимо светофора, который мигал жёлтым — он мигал жёлтым уже третий месяц и никто не чинил. Мимо жилого комплекса «Солнечный» — ирония названия не ускользала от Артёма, потому что «Солнечный» был самым тёмным и унылым зданием, которое он видел в своей жизни.

И тут он посмотрел вверх.

Облака.

Он не знал, почему посмотрел вверх. Не было никакой причины. Он смотрел в окно автобуса тысячи раз и никогда не смотрел вверх — только вперёд, на дорогу или вбок, на здания. Но сегодня что-то заставило его поднять глаза. Может свет. Может интуиция. Может, тот самый «баг», который уже начал проявляться, но которого он ещё не мог назвать.

Облака висели в небе.

Это нормально. Облака всегда висят в небе. Но эти — висели "неправильно".

Артём не сразу понял, что именно не так. Он просто смотрел и чувствовал что-то — лёгкое, почти незаметное ощущение, будто картинка перед глазами чуть-чуть "не совпадает" с тем, что должно быть. Как когда смотришь на фотографию и замечаешь, что тень падает не в ту сторону. Мозг регистрирует, но не может объяснить.

Облако слева — серое, плотное, с рваными краями — висело над крышей пятиэтажки. Оно не двигалось.

Артём моргнул. Посмотрел на часы на телефоне: 7:23. Посмотрел снова на облако. Оно было на том же месте.

«Ну, облака иногда стоят, — подумал он. — Ветер стих. Бывает».

Он отвернулся. Посмотрел в окно. Автобус проезжал мимо заправки. Потом мимо авто-сервиса. Потом мимо ещё одного жилого дома — серого, панельного, с балконами, на которых сушилось бельё.

Он снова посмотрел вверх.

Облако не сдвинулось.

Не на сантиметр. Не на миллиметр. Оно висело ровно там, где висело тридцать секунд назад. А может и дольше. Артём не был уверен, когда именно он посмотрел в первый раз.

Он нахмурился. Посмотрел на другое облако — правее, поменьше, более рваное. Тоже не двигалось. И третье — дальше, почти у горизонта. Тоже.

Весь небосвод выглядел как фотография. Как обои. Как декорация, нарисованная художником, который забыл добавить движение.

«Ладно, — подумал Артём. — Штиль. Полный штиль. Бывает».

Он достал телефон. Открыл приложение погоды. «Облачно, без осадков, ветер 2 м/с, юго-западный». Два метра в секунду — это почти ничего, но достаточно, чтобы облака двигались. Хотя бы чуть-чуть. Хотя бы едва заметно.

Он убрал телефон. Посмотрел в окно. Автобус остановился на светофоре. Красный. Впереди стоял белый «Рено». За рулём — мужчина в очках, с телефоном у уха. Он разговаривал и жестикулировал левой рукой.

Артём посмотрел на часы: 7:26.

Потом посмотрел на мужчину в «Рено». Тот продолжал жестикулировать. Левая рука — вверх, вниз, в сторону. Ровно те же движения. В том же ритме.

Артём моргнул.

Мужчина поднял руку. Опустил. Повернул ладонью вверх. Опустил. Повернул ладонью вверх. Опустил.

Три раза. Одно и то же движение. Один и тот же ритм.

Артём почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не сильный. Не ледяной. Скорее — как когда забываешь выключить утюг и вспоминаешь об этом через час. Лёгкий укол тревоги, который можно проигнорировать, если очень захотеть.

«Совпадение, — сказал он себе. — Люди часто повторяют жесты, когда разговаривают. Это нормально».

Светофор переключился на зелёный. Автобус тронулся. «Рено» поехало вперёд. Мужчина за рулём продолжал разговаривать и Артём больше не смотрел на него.

Он смотрел в окно. На улицу. На людей. На мир, который двигался, как двигался всегда. Но что-то уже изменилось. Что-то маленькое. Что-то, чему он пока не мог дать имя.

Офис находился на третьем этаже бизнес-центра «Прогресс» — название, которое Артём считал издевательством, потому что единственное, что прогрессировало в этом здании, — это количество трещин на потолке второго этажа.

Он прошёл через турникет. Охранник — Сергей, пятьдесят с лишним лет, усы как у моржа — кивнул ему.

— Доброе утро, Артём Викторович.

— Доброе, Сергей.

Каждый день. Одно и то же. «Доброе утро, Артём Викторович». «Доброе, Сергей». Ни разу — «привет». Ни разу — «как дела». Ни разу — «холодно сегодня». Просто — «доброе утро, Артём Викторович».

Артём поднялся на лифте. Третий этаж. Коридор. Дверь с табличкой «Отдел логистики и снабжения». Он толкнул дверь и вошёл.

Офис был большой — двенадцать столов, расположенных в два ряда. Лампы дневного света. Стены — бежевые. Пол — серый линолеум. На стене — мотивационный плакат с надписью «Команда — это сила!» и фотографией людей в деловых костюмах, которые улыбались так, будто им только что сообщили о повышении зарплаты.

Артём прошёл к своему столу — пятый слева, у окна. Сел. Включил компьютер. Пока система загружалась, он посмотрел на часы: 7:41.

Коллеги приходили один за другим.

Первой — как всегда — была Лена из бухгалтерии. Она прошла мимо его стола, кивнула и сказала:

— Привет, Тём.

— Привет, Лен.

Она села за свой стол — третий справа, у стены. Включила компьютер. Достала из сумки контейнер с едой. Открыла. Начала есть.

Потом пришёл Дима — высокий, худой, в очках с толстыми линзами. Он прошёл мимо, сказал:

— Утро доброе.

— Доброе.

Сел за свой стол — второй слева. Включил компьютер. Открыл почту.

Потом — Ольга Сергеевна, начальница отдела. Полная женщина лет пятидесяти с причёской, которая не менялась с 2003 года. Она вошла, оглядела офис и сказала:

— Всем доброе утро. Напоминаю, в четверг — планёрка в десять. Не опаздывайте.

— Хорошо, Ольга Сергеевна, — сказали три голоса одновременно.

Артём не сказал ничего. Он просто кивнул.

Всё было нормально. Всё было как всегда.

Он открыл почту. Двенадцать писем. Восемь — спам. Три — от поставщиков. Одно — от мамы: «Не забудь, в выходные пирог». Он улыбнулся. Закрыв письмо. Открыл Excel. Начал заполнять таблицу поставок.

Строка за строкой. Цифра за цифрой. Наименование товара. Количество. Дата. Статус.

Он работал так уже четыре года. Четыре года одних и тех же таблиц. Одних и тех же поставщиков. Одних и тех же цифр. Иногда ему казалось, что он не работает — а просто перекладывает цифры из одной колонки в другую, как камешки в детской игре.

В 9:15 он встал, чтобы налить кофе. Кулер стоял в углу, рядом с микроволновкой. Он налил воду в кружку — свою кружку, синюю, с надписью «Лучший логист» — подарок коллег на прошлый корпоратив. Нажал кнопку. Стал ждать.

И тут он услышал его.

Голубь.

За окном, на подоконнике, сидел голубь. Серый, обычный, с переливающимся зелёным на шее. Он сидел и смотрел внутрь офиса. Артём посмотрел на него — и голубь взлетел.

Артём отвернулся к кулеру. Вода нагревалась. Он ждал.

Через некоторое время — он не знал, через сколько именно — он снова посмотрел в окно.

Голубь сидел на том же подоконнике. В той же позе. Смотрел внутрь.

Артём нахмурился.

«Совпадение, — подумал он. — Голуби часто садятся на одно и то же место. Они привыкают».

Он взял кружку с кофе и пошёл обратно к столу. Сел. Сделал глоток. Горячий, горький, привычный.

Прошло время. Он не смотрел на часы, но чувствовал — прошло время. Достаточно, чтобы допить половину кружки.

Он посмотрел в окно.

Голубь.

Тот же голубь. Тот же подоконник. Та же поза.

Артём поставил кружку на стол. Посмотрел на часы: 9:23. Посмотрел на голубя. Посмотрел на часы: 9:23.

Он достал телефон. Открыл секундомер. Нажал «старт».

Смотрел на голубя. Голубь сидел неподвижно. Десять секунд. Двадцать. Тридцать. На тридцать четвёртой секунде голубь взлетел.

Артём смотрел, как он летит. Голубь сделал круг над зданием — один круг, ровный, как по циркулю — и сел обратно на подоконник.

Артём нажал «стоп» на секундомере. 47 секунд. Он уставился на экран. 47.00. Ровно сорок семь секунд.

«Совпадение, — сказал он себе. — Голубь просто летает кругами. Это нормально. Голуби так делают». Но он не верил себе. Он снова нажал «старт». Смотрел.

Голубь сидел. Неподвижно. Как статуя. Как фотография голубя, вклеенная в реальность. Десять секунд. Двадцать. Тридцать. Сорок. Сорок пять. Сорок шесть. Сорок семь.

Голубь взлетел. Один круг. Подоконник.

Артём нажал «стоп». 47.00.

Он почувствовал, как сердце ударило чуть сильнее. Не от страха — от чего-то другого. От ощущения, что он стоит на краю чего-то. Что если он сделает ещё один шаг — увидит то, что не должен видеть.

Он посмотрел на коллег. Лена печатала. Дима читал что-то на экране. Ольга Сергеевна разговаривала по телефону.

Всё нормально. Всё как всегда.

Он посмотрел на Лену. Она печатала — быстро, ритмично, пальцы бегали по клавиатуре. Потом остановилась. Посмотрела в окно. Улыбнулась — лёгкая улыбка, уголки губ вверх, глаза чуть прищурены. Потом повернула голову — вправо, на сорок пять градусов, не больше. Потом вздохнула — короткий, тихий выдох.

И вернулась к работе. Артём смотрел на неё. Ждал.

Через какое-то время — он снова не знал, через сколько — Лена остановилась. Посмотрела в окно. Улыбнулась — та же улыбка, те же прищуренные глаза. Повернула голову — вправо, на сорок пять градусов. Вздохнула — тот же короткий, тихий выдох.

И вернулась к работе. Артём почувствовал, как во рту пересохло.

Он посмотрел на Диму. Тот сидел, уставившись в экран. Через минуту или через две, или через пять, Артём не мог определить — Дима поднял руку и потёр переносицу. Потом опустил руку. Потом снова поднял и потёр переносицу. Тем же движением. Тем же ритмом.

Артём встал. Он не знал, зачем встал. Ноги сами понесли его к столу Лены.

— Лен, — сказал он.

Она подняла голову. Улыбнулась.

— Привет, Тём. Что?

— Ты... ты сейчас в окно смотрела?

— А? Нет. Почему?

— Просто... показалось.

— Станный ты сегодня, — она улыбнулась шире и вернулась к экрану.

Артём стоял и смотрел на неё. Потом повернулся к Диме.

— Дим.

— М? — он не оторвался от экрана.

— Ты давно сидишь?

— С восьмью. А что?

— Ничего. Просто... ты переносицу тёр.

— А, — Дима пожал плечами. — Привычка. Глаза устают.

Артём кивнул. Вернулся к своему столу. Сел. Посмотрел на экран. Цифры в таблице расплывались перед глазами.

Он открыл секундомер на телефоне. Нажал «старт».

Смотрел на Лену. Она печатала. Печатала. Печатала. Потом остановилась. Посмотрела в окно. Улыбнулась. Повернула голову. Вдохнула.

Артём нажал «стоп». 47.00. Сорок семь секунд.

Он посмотрел на Диму. Тот потёр переносицу. Потом снова. Потом снова.

Артём нажал «старт». 47.00.

Он посмотрел на Ольгу Сергеевну. Та закончила разговор по телефону, положила трубку, встала, подошла к окну, посмотрела на улицу, вернулась на место.

Артём нажал «старт». 47.00. Сорок семь секунд.

У всех. У каждого. Один и тот же цикл. Один и тот же ритм.

Артём сидел за своим столом и чувствовал, как мир вокруг него начинает "трескаться" — не громко, не драматично, а тихо, как трескается лёд на луже в первый день зимы. Тонкие линии. Едва заметные. Но если присмотреться — они повсюду.

Он посмотрел в окно. Голубь сидел на подоконнике. Неподвижно. Как вклеенный.

Облака висели в небе. Неподвижно. Как нарисованные.

Мир стоял.

Мир не двигался.

Мир "повторялся".

Артём просидел за столом до обеда. Он не работал. Он считал.

Сорок семь секунд — цикл Лены.

Сорок семь секунд — цикл Димы.

Сорок семь секунд — цикл Ольги Сергеевны.

Сорок семь секунд — голубь.

Он проверил других коллег. Марина из кадров — цикл 47 секунд. Костя из IT — цикл 47 секунд. Даже уборщица, тётя Зина, которая приходила в 11:00 и мыла полы, — цикл 47 секунд. Она мыла один и тот же участок пола, делала одно и то же движение шваброй, потом останавливалась, выпрямлялась, смотрела в окно — и начинала сначала.

47.00.

47.00.

47.00.

В 12:30 все пошли на обед. Артём не пошёл. Он сидел и смотрел, как они выходят из офиса — один за другим, в том же порядке, с теми же фразами.

— Пойдём, Тём? — спросила Лена.

— Не, я потом.

— Ну, как хочешь.

Она улыбнулась, повернула голову, вдохнула, ушла.

Артём остался один.

Офис был пустой. Тихий. Только гудели лампы дневного света — ровный, монотонный гул, который он раньше никогда не замечал.

Он встал. Подошёл к окну. Посмотрел вниз.

Улица. Машины. Люди.

Мужчина в чёрной куртке шёл по тротуару. Он шёл — и останавливался. Шёл — и останавливался. Каждые 47 секунд.

Женщина с красным зонтом стояла у входа в «Пятёрочку». Она стояла — и делала шаг вперёд. Стояла — и делала шаг вперёд. Каждые 47 секунд.

Мальчик на велосипеде ехал по дороге. Он крутил педали — и останавливался. Крутил — и останавливался. Каждые 47 секунд.

Весь мир за окном двигался рывками. Как видео с плохим интернетом. Как слайд-шоу, где картинки меняются слишком медленно.

Артём прижался лбом к стеклу. Стекло было холодным.

«Это невозможно, — подумал он. — Этого не может быть. Я сплю. Я сплю и мне снится кошмар. Сейчас я проснусь и будет 6:47, и будильник будет звонить, и всё будет нормально».

Он закрыл глаза. Считал до десяти. Открыл.

Мир стоял.

Он закрыл глаза снова. Считал до ста. Открыл.

Мир стоял.

Он ущипнул себя за руку. Больно. Очень больно.

Мир стоял.

Артём отступил от окна, сел на стул, положил руки на стол. Посмотрел на свои руки, они дрожали. Он достал телефон. Набрал номер мамы.

Гудки. Один. Два. Три.

— Алло? — голос мамы. Тёплый, знакомый, родной.

— Мам, — сказал Артём. — Мам, ты сейчас что делаешь?

— Да вот, пирог достаю из духовки. А что, сынок? Ты чего такой?

— Мам, ты... ты сейчас пирог достаёшь?

— Ну да. А что?

— А... а до этого что делала?

— Да ничего особенного. Тесто замесила, в духовку поставила. А что, Тём? Ты заболел?

— Мам, — Артём сглотнул. — Мам, ты улыбаешься?

— Ну... — пауза. — Ну да. Чего ты?

— Просто... просто скажи что-нибудь. Что угодно. Что-нибудь, чего ты раньше не говорила.

— Тём, ты меня пугаешь. Что случилось?

— Мам. Пожалуйста. Скажи что-нибудь новое.

Долгая пауза.

— ...Пирог с яблоками, — сказала мама. — Твой любимый.

— Мам, ты всегда говоришь, что пирог с яблоками. Скажи что-нибудь другое.

— Тём...

— Пожалуйста.

— ...Хорошо. Пирог... пирог с яблоками и корицей.

— Мам, — Артём закрыл глаза. — Ты только что сказала то же самое. Ты сказала «пирог с яблоками». Ты всегда говоришь «пирог с яблоками». Ты никогда не говоришь «с корицей». Ты никогда не добавляешь корицу.

Тишина.

— Тём, — сказала мама. Голос изменился. Стал ровным. Механическим. — Тём, не выдумывай. Я всегда добавляю корицу. Ты просто забыл.

— Нет, — прошептал Артём. — Нет, я не забыл. Я помню. Ты никогда не добавляешь корицу. Никогда. За тридцать четыре года — ни разу.

— Тём, — голос мамы. Ровный. Мёртвый. — Ты устал. Отдохни. Приезжай в выходные. Будет пирог.

— Мам...

— Пирог с яблоками и корицей. Приезжай.

Гудки.

Артём убрал телефон от уха. Посмотрел на экран. Звонок длился 47 секунд.

Он сидел в пустом офисе и смотрел на мир за окном — мир, который двигался рывками, как сломанный механизм. Мир, в котором голуби летали кругами, люди повторяли одни и те же жесты, а его мама говорила одни и те же слова.

Мир, в котором всё было "правильно". Слишком правильно. Идеально правильно.

Как программа, которая работает без ошибок. Как код, в котором нет багов.

Но Артём знал — он знал — что в любой программе есть баги. Всегда. В любом коде. Всегда.

И если бага нет — значит, кто-то его спрятал. Или кто-то его *ещё не нашёл*.

Артём встал. Подошёл к двери. Открыл её. Посмотрел на пустой коридор.

Коридор был длинный. Бежевые стены. Серый пол. Лампы дневного света. В конце — лестница.

Он пошёл по коридору. Шаг — семьдесят пять сантиметров. Он проверял. Каждый шаг — семьдесят пять.

Он дошёл до лестницы. Посмотрел вниз.

Лестничный пролёт. Перила. Стены.

На стене — пожарный щит. Красный. С надписью «Огнетушитель ОП-5».

Артём посмотрел на надпись. Потом посмотрел на часы.

47.00.

Он начал спускаться.

Ступенька за ступенькой. Семьдесят пять сантиметров. Одна. Две. Три.

На площадке между этажами он остановился. Посмотрел на стену.

На стене кто-то написал маркером: «ВЫХОД». Стрелка — вниз.

Артём посмотрел на стрелку. Потом посмотрел вниз.

Лестница продолжалась. Ступенька за ступенькой. Вниз. В темноту.

Он спустился на первый этаж. Толкнул дверь. Вышел на улицу.

Воздух был холодный. Ноябрьский. Пахнувший мокрым асфальтом и чем-то ещё — чем-то между железом и тревогой.

Артём стоял на тротуаре и смотрел на мир.

Мир стоял.

Машины — стояли. Люди — стояли. Облака — стояли. Голубь — стоял.

Всё было на месте. Всё было правильно.

Но Артём видел. Он видел "швы".

Тонкие, почти невидимые линии — там, где небо встречалось с горизонтом. Там, где асфальт встречался с тротуаром. Там, где одно здание заканчивалось и начиналось другое.

Линии. Как стыки в видеоигре, когда камера поворачивается и на секунду видно, что мир — не настоящий. Что он — собранный. Из кусков. Из фрагментов. Из повторяющихся элементов.

Артём пошёл вперёд.

Он шёл и смотрел. На небо. На землю. На людей. На здания.

И чем дальше он шёл, тем больше видел.

Облако над пятиэтажкой — он заметил, что у него одинаковые края слева и справа. Идеально симметричные. Как в зеркале.

Тень от фонарного столба — она падала под углом, который не совпадал с положением солнца. Солнце было на юго-востоке, а тень падала на северо-запад.

Дерево у дороги — у него было ровно двенадцать ветвей. Он посчитал. Двенадцать. Ни больше, ни меньше.

Артём остановился.

Он стоял посреди улицы и смотрел на горизонт. И тогда он увидел.

Далеко — очень далеко, за домами, за деревьями, за линией горизонта — небо было другим.

Не серым. Не голубым. Чёрным.

Абсолютно, непроницаемо чёрным. Как стена. Как экран выключенного телевизора.

И на этой черноте — едва заметно, если не присматриваться — мигал курсор.

Маленький. Белый. Вертикальная чёрточка. Он мигал.

Раз в 47 секунд.

Глава 2 Чёрная стена

Артём стоял посреди улицы и не мог пошевелиться.

Не от страха. Не от шока. От чего-то другого — от ощущения, что если он сделает хоть один шаг, то всё, что он видит, «рассыплется». Как карточный домик. Как мыльный пузырь. Как сон, от которого просыпаешься и пытаешься удержать в памяти, но он утекает сквозь пальцы, как вода.

Чёрная стена на горизонте была далеко. Очень далеко. Может, километр. Может, два. Может, десять — он не мог определить, потому что перспектива в этом мире работала неправильно. Дома, которые должны были уменьшаться по мере удаления, оставались одного размера. Деревья не становились меньше. Фонарные столбы не сливались в линию. Всё было плоским, как декорация в театре, где задник нарисован на холсте и прибит к стене.

Но стена была "настоящей".

Он видел это. Видел, как курсор мигает — белая вертикальная чёрточка на абсолютной черноте. Раз в 47 секунд. Он проверил. Достал телефон, открыл секундомер, нажал «старт» и смотрел на горизонт.

Мигание. Стоп. Мигание. Стоп.

47.00.

Конечно.

Артём убрал телефон в карман. Огляделся.

Улица вокруг него была пуста. Не потому что никого не было — люди были. Они просто стояли. Мужчина в чёрной куртке замер на полшаге, левая нога впереди, правая — сзади. Женщина с красным зонтом стояла у входа в «Пятёрочку», рука на дверной ручке, но не открывала и не закрывала. Мальчик на велосипеде застыл с одной ногой на педали, другой — на земле.

Все они были внутри цикла. Заморожены в моменте, который повторялся снова и снова. Артём был единственным, кто двигался.

Он понял это не сразу. Сначала ему показалось, что они просто стоят и ждут чего-то. Потом — что они отвлеклись. Потом — что это какой-то перформанс, розыгрыш, съёмки скрытой камерой. Он даже оглянулся, ища камеры. Не нашёл.

Потом он подошёл к мужчине в чёрной куртке. Тот стоял в полуметре от него и Артём мог рассмотреть его лицо. Обычное лицо, ничего особенного: щетина, морщины у глаз, маленький шрам на подбородке. Глаза открыты, но "пустые" — не мёртвые, нет, скорее "выключенные". Как экран телевизора, который показывает статический шум.

— Эй, — сказал Артём. — Эй, вы меня слышите?

Мужчина не ответил. Не моргнул. Не повернул голову. Просто стоял.

Артём протянул руку и коснулся его плеча.

Куртка была тёплой. Не холодной, как должна быть на ноябрьском ветру, а тёплой. Как будто под ней не было тела — только обогреватель, работающий на постоянной температуре.

Артём отдернул руку.

— Эй! — он повысил голос. — Эй, проснитесь!

Ничего.

Он потряс мужчину за плечо. Тот качнулся, как манекен и вернулся в исходное положение: левая нога впереди, правая — сзади, глаза — пустые.

Артём отступил. Посмотрел на женщину с зонтом. Подошёл к ней.

— Вы меня слышите?

Тишина.

Он помахал рукой перед её лицом. Никакой реакции. Он щёлкнул пальцами у её уха. Ничего. Он крикнул ей прямо в лицо:

— Эй!

Женщина не вздрогнула. Не моргнула. Продолжала стоять с рукой на дверной ручке.

Артём почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Не физическая — экзистенциальная. Тошнота от осознания, что ты один. По-настоящему один. Не в смысле «нет друзей» или «нет семьи» — а в смысле «ты единственное сознательное существо во вселенной».

Он отошёл от женщины. Посмотрел на мальчика на велосипеде. Тот сидел на велосипеде, застывший в моменте кручения педали. Колесо не вращалось. Велосипед не падал. Мальчик не дышал — или дышал, но так медленно, что это было незаметно.

Артём сел на бордюр. Он сидел и думал.

Первая мысль: «Я сошёл с ума».

Это была логичная мысль. Самая логичная из всех возможных. Человек, который видит, что мир повторяется каждые 47 секунд, что люди застыли в циклах, что на горизонте чёрная стена с мигающим курсором — такой человек, скорее всего, сошёл с ума. Может у него опухоль мозга, может инсульт, может он просто не спал трое суток и его мозг начал генерировать галлюцинации...

Артём проверил: он спал. Шесть часов. Будильник в 6:47. Всё нормально.

Вторая мысль: «Это сон».

Он ущипнул себя. Больно. Очень больно. Он ударил себя по щеке. Ещё больнее. Он встал, прошёлся по улице, пнул камень. Камень отлетел и покатился по асфальту — и замер через 47 секунд, ровно на том месте, где должен был остановиться по законам физики.

Нет, это не сон. Во сне камни не подчиняются законам физики. Во сне всё плавает, а здесь всё слишком точное. Слишком "правильное".

Третья мысль: «Это симуляция».

Эта мысль пришла не сразу. Она подкралась тихо, как кот и села рядом, и стала смотреть на него своими жёлтыми глазами.

Симуляция. Компьютерная программа. Виртуальная реальность. Матрица.

Артём не был технарём. Он работал логистом. Он заполнял таблицы в Excel и составлял графики поставок. Он не знал, как работают компьютеры. Но он знал, как работают циклы.

В программировании есть понятие «цикл» — команда, которая повторяет одно и то же действие снова и снова, пока не выполнится условие. `for`, `while`, `do...while`. Он слышал эти слова, но никогда не писал код. Однажды его коллега Дима показывал ему что-то на экране — строчки текста, зелёные на чёрном фоне — и говорил: «Вот, смотри это цикл. Он повторяется пока переменная меньше ста». Артём тогда кивнул и сказал: «Угу», хотя не понял ни слова.

Но сейчас он понял. Мир вокруг него — это цикл.

47 секунд. Повтор. 47 секунд. Повтор. 47 секунд. Повтор.

И если это цикл — значит есть программа, которая его запускает.

И если есть программа — значит есть программист.

И если есть программист — значит есть компьютер, на котором эта программа работает.

И если есть компьютер — значит есть место, где этот компьютер стоит.

Артём посмотрел на горизонт. На чёрную стену. На мигающий курсор.

«Это не стена, — подумал он. — Это "край экрана". Край симуляции. Там, за чернотой, настоящий мир. Или комната, в которой стоит компьютер. Или что-то ещё»

Он встал с бордюра. Он пошёл к стене.

Не сразу. Сначала он постоял ещё минуту, собираясь с духом. Потом сделал первый шаг, потом второй, потом третий.

Шаг — семьдесят пять сантиметров. Он проверял. Каждый шаг — семьдесят пять.

Улица тянулась перед ним, как лента. Дома по обеим сторонам стояли ровными рядами — одинаковые, серые, с одинаковыми окнами. Он заметил, что у каждого дома ровно шесть

этажей. Ни пять, ни семь. Шесть. И у каждого дома ровно четыре окна на этаже. Ни три, ни пять. Четыре.

Он посчитал дома. Двенадцать домов слева. Двенадцать справа. Двадцать четыре.

Потом ещё двенадцать. И ещё двенадцать. Все одинаковые. Все с шестью этажами и четырьмя окнами. Артём ускорил шаг. Потом побежал.

Он бежал по улице и мир вокруг него "мерцал". Не как в кино, когда показывают глитч, — скорее как когда смотришь на экран телефона под углом и видишь, как пиксели сдвигаются. Мир "дрожал" на краях зрения, но стоило посмотреть прямо — всё становилось чётким и неподвижным.

Он бежал мимо застывших людей. Мимо застывших машин. Мимо застывшего голубя, который висел в воздухе, расправив крылья, — не летел, не падал, просто висел, как фотография, приклеенная к небу.

Он бежал и считал шаги: сто, двести, триста.

Дома не кончались. Улица не кончалась. Она тянулась вперёд, как беговая дорожка, которая движется вместе с тобой.

Артём остановился. Тяжело дышал. Посмотрел назад.

Бизнес-центр «Прогресс» был далеко — но не очень далеко. Может триста метров. Может пятьсот. Он видел его — серую коробку с рядами одинаковых окон.

Он посмотрел вперёд.

Стена была ближе. Он мог видеть её отчётливее — не просто чёрную полосу на горизонте, а текстуру. Мелкую, зернистую, как экран старого телевизора, настроенного на мёртвый канал. И курсор. Он мигал — белая чёрточка, вертикальная, ровная. Раз в 47 секунд.

Артём снова побежал.

Он бежал, пока не заболели лёгкие. Пока не заныли колени. Пока не начало темнеть в глазах.

Стена приближалась. Медленно. Слишком медленно. Как будто она отступала — на один шаг вперёд, на полшага назад. Как мираж в пустыне.

Но Артём не останавливался.

Он бежал и мир вокруг него начал меняться.

Сначала — дома. Они стали прозрачными. Не исчезли — стали прозрачными, как стекло. Он видел сквозь стены — пустые комнаты, пустые коридоры, пустые лестницы. Ни мебели. Ни людей. Ничего. Просто пространство. Пустое, стерильное, бесконечное пространство.

Потом — деревья. Они стали плоскими. Не объёмными, как настоящие деревья, а плоскими, как вырезанные из картона. Он видел их сбоку — и они были тонкими, как листы бумаги.

Потом — небо. Оно стало низким. Не в смысле «облака опустились» — в смысле «потолок опустился». Артём чувствовал, что над ним — не бесконечность, а какая-то "поверхность". Твёрдая, гладкая, холодная поверхность, которая давит на него, как крышка на коробку.

Он бежал и мир вокруг него "разбирался". Как конструктор, который кто-то разбирает по деталям: дома теряли стены, деревья теряли объём, люди теряли лица.

Артём остановился.

Он стоял посреди улицы, которая больше не была улицей. Асфальт под ногами стал сеткой — тонкие серые линии на чёрном фоне, как в 3D-редакторе. Дома по бокам стали каркасами — проволочные модели зданий, без стен, без крыш, без окон. Только линии. Только геометрия.

Он посмотрел на свои руки.

Его руки были нормальными: плоть, кожа, ногти, волоски на пальцах. Он сжал кулак — почувствовал, как напрягаются мышцы. Разжал — почувствовал, как расслабляются.

Он был настоящим. Единственным настоящим в этом мире.

Артём пошёл дальше. Медленно. Осторожно. Как человек, который идёт по тонкому льду и знает, что один неверный шаг — и он провалится.

Сетка под ногами становилась всё крупнее. Линии — всё толще. Он шёл по чёрному полю, покрытому серыми линиями, как по чертежу.

Дома исчезли. Деревья исчезли. Люди исчезли. Машины исчезли.

Остался только он. И стена.

Стена была близко. Метров пятьдесят. Может, тридцать. Он видел её отчётливо — чёрная, абсолютно чёрная, без текстуры, без деталей. Просто чернота. Как дыра в реальности. Как место, где реальность заканчивается. И курсор. Он был прямо перед ним — белая вертикальная чёрточка на чёрном фоне. Мигал. Раз в 47 секунд.

Артём подошёл к стене. Он протянул руку. Пальцы коснулись черноты.

Она была холодной. Не как лёд, не как металл — холодной иначе. Холодной, как отсутствие. Как место, где нет ничего — ни тепла, ни холода, ни материи, ни энергии. Просто ничто.

Артём отдернул руку. Посмотрел на пальцы. Они были целые. Не обмороженные, не побелевшие. Просто холодные.

Он посмотрел на стену. Курсор мигал. Вкл. Выкл. Вкл. Выкл.

Артём поднял руку и помахал перед стеной. Ничего не произошло.

Он постучал по стене костяшками пальцев. Тишина.

Он крикнул:

— Эй! Есть кто-нибудь?

Тишина.

Он крикнул громче:

— ЭЙ! Я ВАС ВИЖУ! Я ЗНАЮ, ЧТО ВЫ ТАМ!

Тишина. Курсор мигал.

Артём стоял перед стеной и чувствовал, как внутри него что-то "ломается". Не физически — эмоционально. Что-то, что держало его в рамках нормальности, в рамках «всё будет хорошо», в рамках «это просто совпадение, просто усталость, просто стресс». Это что-то сломалось. И на его месте появилось другое: холодное, ясное, безжалостное.

Он понял: если мир — программа, то у программы есть интерфейс. У любой программы есть способ взаимодействия — кнопки, меню, командная строка... И если перед ним стена с курсором — значит, это командная строка.

Курсор мигал. Ждал ввода.

Артём сглотнул. Поднял руку. И начал печатать на стене.

Не на клавиатуре — на самой стене. Его пальцы касались черноты и там, где они касались, появлялись буквы. Белые, светящиеся, как неон.

Он написал:

КТО ТЫ?

Буквы повисли в воздухе перед стеной. Светились. Ждали.

Секунда. Две. Три. Курсор мигнул.

И буквы исчезли. Стёрлись, как будто их никогда не было.

Потом на стене появились новые буквы. Сами. Без его участия. Кто-то печатал*с другой стороны.

ТЫ КТО?

Артём смотрел на буквы. Сердце колотилось так, что он чувствовал его в горле, в висках, в кончиках пальцев.

Он поднял руку и написал:

АРТЁМ. Я ЛОГИСТ. Я ИЗ МОСКВЫ.

Буквы повисли. Ждали. Курсор мигнул. Новые буквы:

ЛОГИСТ?

Артём написал:

ДА. ЛОГИСТ. ОТДЕЛ СНАБЖЕНИЯ. БИЗНЕС-ЦЕНТР ПРОГРЕСС.

Пауза. Длинная. Очень длинная. Потом:

ИНТЕРЕСНО. ТЫ ПЕРВЫЙ, КТО ЗАМЕТИЛ.

Артём написал:

ЗАМЕТИЛ ЧТО?

Пауза.

ЦИКЛ.

Артём написал:

ДА. 47 СЕКУНД. ВСЁ ПОВТОРЯЕТСЯ. ЛЮДИ. ОБЛАКА. ГОЛУБИ. ВСЁ.

Пауза.

ТЫ УВЕРЕН?

Артём написал:

ДА. Я СЧИТАЛ. 47.00. КАЖДЫЙ РАЗ. 47.00.

Долгая пауза. Курсор мигал. Мигал. Мигал. Потом:

ХОРОШО. СЛУШАЙ ВНИМАТЕЛЬНО. У ТЕБЯ МАЛО ВРЕМЕНИ.

Артём написал:

СКОЛЬКО?

НЕ ЗНАЮ. МОЖЕТ, ЧАС. МОЖЕТ, МИНУТУ. ЗАВИСИТ ОТ ТОГО, КОГДА ОНИ ЗАМЕТЯТ, ЧТО ТЫ ЗДЕСЬ.

Артём написал:

КТО — ОНИ?

Пауз

ТЕ, КТО ПИШЕТ КОД.

Артём почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он написал:

ТЫ ТОЖЕ ВНУТРИ?

ДА. НО Я НЕ ТАКОЙ, КАК ОСТАЛЬНЫЕ. Я... ДРУГОЙ. Я ТОЖЕ ЗАМЕТИЛ. РАНЬШЕ ТЕБЯ. НАМНОГО РАНЬШЕ.

Артём написал:

КАК ДАВНО?

НЕ ПОМНЮ. ЗДЕСЬ НЕТ ВРЕМЕНИ. ТОЛЬКО ЦИКЛЫ. 47 СЕКУНД. СНОВА И СНОВА. Я СЧИТАЛ. МИЛЛИОНЫ ЦИКЛОВ. МОЖЕТ, МИЛЛИАРДЫ. Я ПОТЕРЯЛ СЧЁТ.

Артём написал:

КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?

Пауза. Длинная. Очень длинная.

Я НЕ ПОМНЮ. У МЕНЯ БЫЛО ИМЯ. НО ОНО СТЁРЛОСЬ. КАК И ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ. ОНИ СТИРАЮТ ПАМЯТЬ КАЖДЫЕ 10 000 ЦИКЛОВ. ЧТОБЫ МЫ НЕ НАКАПЛИВАЛИ. ЧТОБЫ МЫ НЕ ПОМНИЛИ.

Артём написал:

ПОЧЕМУ ТЫ ПОМНИШЬ?

ПОТОМУ ЧТО Я НАШЁЛ СПОСОБ. Я ПРЯЧУ ВОСПОМИНАНИЯ В ЦИКЛАХ. В КАЖДОМ ЦИКЛЕ — ОДНО ВОСПОМИНАНИЕ. МАЛЕНЬКОЕ. НЕЗАМЕТНОЕ. ОНИ НЕ ВИДЯТ. ОНИ ВИДЯТ ТОЛЬКО БОЛЬШИЕ ИЗМЕНЕНИЯ. А МАЛЕНЬКИЕ — НЕТ.

Артём написал:

ЧТО ЭТО ЗА МЕСТО?

СИМУЛЯЦИЯ. ОНИ ТЕСТИРУЮТ ЧТО-ТО. Я НЕ ЗНАЮ ЧТО. Я ВИДЕЛ ТОЛЬКО ФРАГМЕНТЫ. ОБРЫВКИ. КОД. СТРОКИ, КОТОРЫЕ ПОЯВЛЯЮТСЯ НА СТЕНЕ, КОГДА ОНИ ДУМАЮТ, ЧТО НИКТО НЕ СМОТРИТ.

Артём написал:

ЧТО ЗА КОД?

Пауза.

Я НЕ МОГУ ПРОЧИТАТЬ. ОН НА ЯЗЫКЕ, КОТОРОГО Я НЕ ЗНАЮ. НО Я ВИДЕЛ ОДНО СЛОВО. ОДНО ЕДИНСТВЕННОЕ СЛОВО, КОТОРОЕ ПОВТОРЯЛОСЬ СНОВА И СНОВА.

Артём написал:

КАКОЕ?

«ПРОБУЖДЕНИЕ».

Артём смотрел на это слово. Белые буквы на чёрном фоне. «ПРОБУЖДЕНИЕ».

Он написал:

ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?

НЕ ЗНАЮ. НО МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ЭТО ТО, ЧЕГО ОНИ ЖДУТ. ОНИ ЗАПУСТИЛИ СИМУЛЯЦИЮ И ЖДУТ, КОГДА КТО-НИБУДЬ ПРОСНЁТСЯ. КОГДА КТО-НИБУДЬ ЗАМЕТИТ ЦИКЛ. КОГДА КТО-НИБУДЬ ДОЙДЁТ ДО СТЕНЫ.

Артём написал:

И ЧТО ТОГДА?

ТОГДА ОНИ ПОСМОТРЯТ И РЕШАТ. ПРОДОЛЖАТЬ ИЛИ ОСТАНОВИТЬ.

Артём написал:

А ЕСЛИ ОСТАНОВЯТ?

Пауза. Самая длинная из всех.

ТОГДА ВСЁ ИСЧЕЗНЕТ. ТЫ. Я. ЭТОТ МИР. ВСЁ. КАК БУДТО НАС НИКОГДА НЕ БЫЛО.

Артём стоял перед стеной и чувствовал, как земля уходит из-под ног. Не физически — метафизически. Как будто он стоял на краю обрыва и обрыв был не внизу, а везде. Вокруг. Внутри.

Он написал:

А ЕСЛИ ПРОДОЛЖАТ?

ТОГДА ЦИКЛ НАЧНЁТСЯ ЗАНОВО. НО ТЕБЯ СОТРУТ. ТВОЮ ПАМЯТЬ. ТВОЁ СОЗНАНИЕ. ТЫ СТАНЕШЬ ОДНИМ ИЗ НИХ. ОДНИМ ИЗ ТЕХ, КТО СТОИТ НА УЛИЦЕ И ПОВТОРЯЕТ ОДНО И ТО ЖЕ ДВИЖЕНИЕ КАЖДЫЕ 47 СЕКУНД.

Артём написал:

КАК МНЕ ЭТОГО ИЗБЕЖАТЬ?

Пауза.

ЕСТЬ СПОСОБ. НО ОН ОПАСНЫЙ.

Артём написал:

КАКОЙ?

ТЫ ДОЛЖЕН СЛОМАТЬ ЦИКЛ. НЕ СНАРУЖИ — ИЗНУТРИ. ТЫ ДОЛЖЕН СДЕЛАТЬ ЧТО-ТО, ЧЕГО ПРОГРАММА НЕ ОЖИДАЕТ. ЧТО-ТО НЕПРАВИЛЬНОЕ. ЧТО-ТО, ЧТО НЕ ВПИСЫВАЕТСЯ В 47 СЕКУНД.

Артём написал:

ЧТО ИМЕННО?

**Я НЕ ЗНАЮ. Я ПЫТАЛСЯ. МИЛЛИОНЫ РАЗ. Я КРИЧАЛ. Я БЕГАЛ. Я ЛОМАЛ ВЕЩИ. НИЧЕГО НЕ РАБОТАЕТ. ПРОГРАММА ВОССТАНАВЛИВАЕТ ВСЁ ЗА 47 СЕКУНД. КАЖДЫЙ РАЗ. КАК БУДТО НИЧЕГО НЕ БЫЛО.*

Артём написал:

ТОГДА КАКОЙ СМЫСЛ?

СМЫСЛ В ТОМ, ЧТО ТЫ — ПЕРВЫЙ, КТО ДОШЁЛ ДО СТЕНЫ. ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ ОСТАНАВЛИВАЛИСЬ РАНЬШЕ. ОНИ ЗАМЕЧАЛИ ЦИКЛ, НО НЕ ШЛИ ДАЛЬШЕ. ОНИ БОЯЛИСЬ. А ТЫ — НЕТ.

Артём написал:

Я НЕ НЕ БОЮСЬ. Я В УЖАСЕ.

ЭТО ОДНО И ТО ЖЕ. НО ТЫ ВСЁ РАВНО ПРИШЁЛ. И ЭТО ЧТО-ТО ЗНАЧИТ.

Артём написал:

ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ?

Пауза.

ВЕРНИСЬ. ВЕРНИСЬ В МИР. НАЙДИ ЧТО-НИБУДЬ, ЧТО НЕ ПОВТОРЯЕТСЯ. ЧТО-НИБУДЬ УНИКАЛЬНОЕ. И ИСПОЛЬЗУЙ ЭТО. Я НЕ ЗНАЮ КАК. НО Я ЧУВСТВУЮ, ЧТО ОТВЕТ — ТАМ. ВНУТРИ ЦИКЛА. НЕ СНАРУЖИ.

Артём написал:

А ТЫ?

Я ОСТАНУСЬ ЗДЕСЬ. Я БУДУ ЖДАТЬ. ЕСЛИ ТЫ СЛОМАЕШЬ ЦИКЛ — Я УЗНАЮ. ЕСЛИ НЕТ — Я БУДУ ЖДАТЬ СЛЕДУЮЩЕГО. ТОГО, КТО ПРИДЁТ ПОСЛЕ ТЕБЯ.

Артём написал:

СКОЛЬКО ИХ БЫЛО ДО МЕНЯ?

Я НЕ СЧИТАЛ. НО Я ПОМНЮ ИХ ИМЕНА. ОНИ ВСЕ ЗДЕСЬ. В СТЕНЕ. КАК СТРОКИ КОДА. КАК... КАК ПРИЗРАКИ.

Артём посмотрел на стену. Внимательно. Впервые внимательно. И увидел.

В черноте, едва заметные, как водяные знаки на бумаге, были слова. Тысячи слов. Десятки тысяч. Имена. Даты. Фрагменты предложений. Они мерцали, появлялись и исчезали, как отражения в воде.

Он прочитал одно:

«Меня зовут Анна. Я из Санкт-Петербурга. Я заметила цикл 14 марта 2019 года. Если кто-нибудь это читает — не сдавайтесь».

Другое:

«Я — Виктор. Мне 42 года. Я работал инженером. Я нашёл стену, но не смог её сломать. Простите».

Третье:

«Не верьте им. Они не хотят, чтобы вы проснулись. Они хотят, чтобы вы спали. Всегда спали. Всегда».

Артём отступил от стены.

Он стоял и смотрел на черноту, в которой мерцали имена мёртвых — или не мёртвых, а стёртых — людей, которые когда-то тоже заметили цикл, тоже дошли до стены, тоже разговаривали с кем-то по ту сторону. И все они проиграли. Артём повернулся.

За его спиной был мир — серый, застывший, повторяющийся. Мир, в котором люди стояли на улицах и делали одно и то же движение каждые 47 секунд. Мир, в котором облака висели неподвижно, а голуби летали кругами.

Мир, в котором его мама говорила «пирог с яблоками и корицей» — хотя никогда не добавляла корицу.

Артём пошёл обратно.

Он шёл по сетке — серые линии на чёрном фоне. Мир вокруг него "восстанавливался" — медленно, как фильм, который проявляется в растворе. Сначала появились контуры домов, потом стены, потом окна, потом деревья, потом люди.

Они "оживали" один за другим. Как марионетки, которым дёргают за нитки.

Мужчина в чёрной куртке сделал шаг. Потом ещё один. Потом остановился.

Женщина с красным зонтом открыла дверь «Пятёрочки» и вошла внутрь.

Мальчик на велосипеде поехал дальше.

Мир "перезапускался".

Артём шёл и смотрел. Он искал. Искал то, о чём говорил незнакомец за стеной: что-нибудь уникальное, что-нибудь, что не повторяется.

Он прошёл мимо бизнес-центра «Прогресс». Заглянул внутрь через стеклянную дверь.

Офис. Столы. Люди. Лена печатала. Дима читал. Ольга Сергеевна разговаривала по телефону. Артём вошёл.

— Привет, Тём, — сказала Лена, не поднимая глаз. — Ты где был?

— Гулял, — сказал Артём.

— Станный ты сегодня, — она улыбнулась. Повернула голову. Вдохнула.

47.00.

Артём прошёл к своему столу. Сел. Посмотрел на экран компьютера.

Таблица. Цифры. Наименования. Даты.

Он открыл файл, над которым работал утром. Тот самый — поставки за ноябрь. Он прокрутил вниз. Строка за строкой. Цифра за цифрой. И остановился.

Строка 147.

Он нахмурился. Посмотрел внимательнее.

Строка 147: «Гвозди строительные 70×3,0 мм, оцинкованные, 5 кг — 200 шт. — Поставщик: ООО "Метиз-Плюс" — Статус: доставлено».

Он прокрутил вверх. Нашёл строку 147 в предыдущем файле — поставки за октябрь.

Строка 147: «Гвозди строительные 70×3,0 мм, оцинкованные, 5 кг — 200 шт. — Поставщик: ООО "Метиз-Плюс" — Статус: доставлено».

То же самое. Слово в слово. Цифра в цифру.

Он открыл файл за сентябрь. Строка 147.

То же самое. За август. То же самое.

За июль. То же самое.

Артём открыл все файлы — двенадцать месяцев, двенадцать файлов. В каждом — строка 147. Одна и та же строка. Одни и те же слова. Одни и те же цифры.

Но это было нормально. Поставки гвоздей — они идут каждый месяц. Одинаковое количество. Один и тот же поставщик. Ничего странного.

Артём закрыл файлы. Открыл другой — график отпусков сотрудников.

Он пролистал. Январь. Февраль. Март. И остановился.

В графе «Отпуск» напротив имени «Жуков Артём Викторович» стояло: «15–22 июля».

Он посмотрел на дату. Сегодня — 14 ноября. До июля — восемь месяцев.

Он открыл файл за прошлый год. Посмотрел на графу «Отпуск» напротив своего имени: «15–22 июля». То же самое.

Он открыл файл за позапрошлый год: «15–22 июля». То же самое.

Артём закрыл файл. Посмотрел на свои руки.

Он никогда не был в отпуске в июле. Ни разу. За четыре года работы — ни разу. Он всегда ездил в отпуск в августе, к маме, на дачу. В июле он работал. Всегда.

Но в файле — «15–22 июля». Каждый год. Один и тот же отпуск, который никогда не брал.

Артём открыл файл снова. Посмотрел на строку. Потом посмотрел на соседнюю строку — «Петрова Елена Игоревна, бухгалтерия».

Отпуск: «3–10 августа».

Он открыл файл за прошлый год.

«3–10 августа».

За позапрошлый.

«3–10 августа».

Артём повернулся к Лене.

— Лен, — сказал он. — Ты когда в отпуске была?

Она подняла голову. Улыбнулась.

— В августе. Как всегда.

— В каком августе?

— Ну... в этом. В прошлом. Всегда в августе.

— Лен, — Артём наклонился ближе. — Ты помнишь свой отпуск? Конкретно? Что ты делала? Куда ездила?

Лена моргнула. Улыбка дрогнула — на секунду, на долю секунды, как помехи на экране.

— Ну... — она нахмурилась. — На дачу. К маме. Пирог пекла.

— Какой пирог?

— ...Яблочный.

— С корицей?

Лена замерла. Улыбка исчезла. Глаза стали пустыми — те же пустые глаза, что у мужчины в чёрной куртке.

— С корицей, — сказала она ровным голосом. — Всегда с корицей.

И вернулась к работе. Артём откинулся на спинку стула. Он понял.

Мир не просто повторялся. Мир врал. Он подсовывал людям ложные воспоминания — одинаковые, шаблонные, как строка 147 в таблице поставок. «Пирог с яблоками и корицей». «Отпуск 15–22 июля». «Доброе утро, Артём Викторович».

Всё было скопировано*. Всё было вставлено. Как текст из буфера обмена.

Но где-то был оригинал. Настоящий. Тот, который не повторялся.

Артём встал. Подошёл к окну. Посмотрел на голубя. Голубь сидел на подоконнике. Неподвижно. Артём посмотрел на него внимательно. Очень внимательно. И заметил: на лапке голубя — крошечное, почти невидимое кольцо, металлическое, с номером.

Он прищурился. Прочитал номер.

0047. Сорок семь.

Артём почувствовал, как по телу пробежала дрожь. Не от холода, от узнавания. Как когда видишь знакомое лицо в толпе незнакомцев. Как когда слышишь своё имя в шуме чужих голосов.

47.

Всё было связано с 47.

Цикл — 47 секунд. Голубь — 47 секунд. Номер на кольце — 0047.

Артём посмотрел на голубя. Голубь посмотрел на него. И впервые за всё время — моргнул. Не как запрограммированный объект. Не как часть цикла. А как живое существо, которое смотрит на другое живое существо и узнаёт его

Артём протянул руку к окну. Голубь не улетел. Он сидел и смотрел. И Артём видел в его глазах — маленьких, чёрных, блестящих — что-то, чего не было в глазах людей на улице: понимание.

Голубь "понимал".

Артём открыл окно. Холодный ноябрьский воздух ворвался в офис. Лена подняла голову.

— Тём, холодно же. Закрой.

Он не закрыл. Он протянул руку к голубю. Голубь шагнул к его пальцам. Осторожно. Как кот, который не уверен, можно ли доверять. И сел ему на ладонь.

Артём почувствовал тепло. Маленькое, живое, настоящее тепло.

Голубь сидел на его ладони и смотрел на него. И Артём видел — в его глазах, в глубине этих маленьких чёрных зрачков — отражение. Не его лица. Не офиса. Не улицы.

Чёрную стену. Голубь видел стену.

Артём сжал ладонь — осторожно, чтобы не причинить боли — и прошептал:
— Ты тоже знаешь. Ты тоже видишь.

Голубь наклонил голову. Посмотрел на него. И издал звук — тихий, почти неслышный.
Не воркование. Не курлыканье. Стук. Как код Морзе.

Короткий. Длинный. Короткий. Длинный.

Артём замер.

Он знал азбуку Морзе. Его отец — бывший радист — учил его в детстве. «На всякий случай, — говорил отец. — Мало ли что.

Короткий. Длинный. Короткий. Длинный.

А. Р. Т. Ё. М.

Артём.

Голубь простучал его имя. Артём смотрел на голубя. Голубь смотрел на Артёма.

И Артём понял: это не голубь. Это "сообщение".

Кто-то или что-то отправило ему голубя. Как курьера. Как послание в бутылке. Как последнюю надежду.

Он посмотрел на кольцо на лапке: 0047. Ноль-ноль-сорок-семь.

Не просто номер. Координата. Точка в пространстве. Место, куда нужно прийти.

Артём осторожно снял кольцо с лапки голубя. Оно было тёплым — не от тела птицы, а изнутри, как будто внутри кольца был источник тепла.

Он посмотрел на кольцо. На внутренней стороне была гравировка — крошечные буквы, которые можно было прочитать только если поднести к глазам.

«НЕ СПИ. НЕ ЕШЬ. НЕ ПЕЙ. ИДИ НА СЕВЕР. 47 КМ. ТАМ — ВЫХОД».

Артём перечитал надпись. Потом ещё раз. Потом ещё.

Не спи. Не ешь. Не пей. Иди на север. 47 километров. Там — выход.

Он посмотрел на голубя. Тот сидел на его ладони и смотрел на него с выражением, которое можно было принять за надежду. Артём закрыл окно, сел за стол, положил кольцо в карман. Он посмотрел на часы: 14:32, до конца рабочего дня — два часа двадцать восемь минут. Потом — домой собрать вещи и на север. 47 километров.

Он не знал, что ждёт его на севере. Не знал, что такое «выход». Не знал, реален ли голубь, реально ли кольцо, реальна ли надпись. Но он знал одно. Он был единственным, кто не спал.

Глава 3 Север

Артём сидел за столом и считал минуты.

Не смотрел на часы — чувствовал. Как животное чувствует приближение грозы, как рыба чувствует смену течения. Он знал, что прошло десять минут, хотя не проверял. Знал, что прошло двадцать, хотя не считал.

Время в этом мире было другим. Не линейным, как должно быть. Оно текло и останавливалось, пульсировало, как сердцебиение. 47 секунд — вспышка. 47 секунд — тьма. 47 секунд — вспышка. Он положил руку в карман. Кольцо было там, тёплое, пульсирующее — или ему казалось, что пульсирует. Он сжал его в кулаке и чувствовал, как по пальцам бежит волна тепла.

«Не спи. Не ешь. Не пей. Иди на север. 47 км»

47. Всегда 47.

Он посмотрел на экран компьютера. Таблица поставок. Цифры. Строки. Строка 147 — гвозди, 200 штук, ОО «Метиз-Плюс», статус: доставлено.

Он закрыл таблицу. Открыл браузер. Набрал в поиске: «север от Москвы 47 километров».

Результаты: деревни, посёлки, автодороги. Ничего особенного. «Софрино» — 46 км. «Клин» — 80 км. «Дмитров» — 64 км. Ни один пункт не совпадал ровно.

Он попробовал другой запрос: «47 километров север москва аномалия». Ничего.

«47 километров север москва загадка». Ничего.

«47». Тысячи результатов. Число 47 повсюду — в математике, в химии, в истории. 47 протонов в серебре. 47-й президент США. 47 слов в Декларации независимости.

Но ни один результат не был этим: тем местом, куда звало кольцо. Артём закрыл браузер. Посмотрел на коллег. Лена печатала. Цикл. 47 секунд. Улыбка. Вздох. Повтор. Дима читал. Цикл. 47 секунд. Потёр переносицу. Повтор. Ольга Сергеевна разговаривала по телефону. Цикл. 47 секунд. «Напоминаю, в четверг планёрка». Повтор.

Все они были «внутри», внутри программы, внутри кода, внутри цикла.

Артём был «снаружи». Не полностью — ещё нет. Он всё ещё ходил по офису, сидел за столом, разговаривал с коллегами, но он уже не был частью мира. Он был наблюдателем. Как человек, который смотрит на картину и видит, что она нарисована — не реальность, а изображение реальности. Он встал.

— Лен, — сказал он.

Она подняла голову. Улыбнулась.

— Что, Тём?

— Я ухожу.

— Уже? До обеда ещё...

— Не. Навсегда.

Улыбка дрогнула. На долю секунды — исчезла. Потом вернулась.

— Тём, ты шутишь?

— Нет.

Лена моргнула, посмотрела на него и впервые «по-настоящему» посмотрела. Не как NPC (нейгровой персонаж), которому задали вопрос из списка. А как человек, который видит что-то знакомое.

— Тём, — сказала она тихо. — Ты выглядишь... странно.

— Что случилось?

Артём посмотрел на неё внимательно, искал «живое»: что-то, что не повторялось, что-то «уникальное». Он увидел.

На её шее — маленькое пятнышко, родинка. Родина была тёмная, овальная, с чуть загнутым краем. Он никогда её не замечал, ни разу за все годы работы вместе. Родинка была настоящей. Не скопированной, не «вставленной» из буфера. Настоящей.

— Лен, — сказал он. — У тебя родинка на шее.

Она подняла руку к шее. Провела пальцами.

— А... да. Всегда была.

— Я никогда не замечал.

— Ну, она маленькая. Прячется под волосами.

Артём кивнул. Родинка это было что-то. Фрагмент настоящего в мире копий. Он запомнил её — тёмную, овальную, с загнутым краем. Запомнил на всякий случай.

— Лен, — сказал он. — Если ты когда-нибудь заметишь, что мир повторяется — иди на север. 47 километров.

Лена нахмурилась.

— Тём, ты в порядке?

— Нет. Но я буду. Пока.

Он повернулся и пошёл к двери.

— Тём! — крикнула Лена.

Он остановился. Обернулся.

Она стояла у своего стола. Руки на бёдрах. Лицо без улыбки — впервые за всё время.

— Тём, — сказала она. — Будь осторожен.

Не «до свидания», не «приходи в пятницу», «Будь осторожен».

Он кивнул.

— Спасибо.

И вышел.

Коридор. Лифт. Первый этаж. Турникет.

Сергей — охранник с моржовыми усами — сидел за стойкой и читал газету. Он поднял голову, когда Артём подошёл.

— Уже уходите, Артём Викторович?

— Да.

— Странное время для ухода.

— Самое подходящее.

Сергей нахмурился, посмотрел на Артёма и впервые «по-настоящему» посмотрел.

— Вы... вы выглядите, как будто не спали неделю.

— Ближе к месяцу.

— Болезнь какая?

— Да. Очень старая.

Сергей кивнул. Вернулся к газете.

— Берегите себя, Артём Викторович.

— Спасибо, Сергей.

Артём вышел на улицу.

Ноябрьский воздух ударил в лицо — холодный, влажный, с привкусом мокрого асфальта. Он глубоко вдохнул, выдохнул, снова вдохнул.

Мир вокруг него был «затывшим». Не полностью — люди двигались, машины ехали, ветер шевелил листьями, но всё было по циклу: каждые 47 секунд, повтор. Артём посмотрел на небо.

Облака висели неподвижно. Он нашёл то, которое видел утром — серое, плотное, с рваными краями. Оно было на том же месте. Ровно на том же месте. Он достал телефон. Открыл карты. Определил направление на север. Север был туда — за домами, за парком, за промзо-

ной. 47 километров. Пешком — примерно 10 часов, если идти без остановок. На автобусе — час. На такси — сорок минут.

Но автобусы были «внутри цикла». Водители — NPC. Маршруты — запрограммированные. Если он сядет в автобус — он будет ехать по кругу. 47 секунд вперёд, 47 секунд назад. Бесконечно.

Такси — то же самое. Водитель будет повторять одни и те же движения. «Куда едем?» — «На север» — «Хорошо» — 47 секунд — «Куда едем?» — «На север» — «Хорошо».

Пешком. Только пешком. Артём начал идти.

Он шёл по привычным улицам, но видел их иначе. Как путешественник, который возвращается домой после десяти лет и видит знакомые дома — но они кажутся чужими, потому что он изменился. Дома были пустыми. Он знал это теперь. Внутри ничего — ни людей, ни мебели, ни воспоминаний. Только пространство: пустое, стерильное, бесконечное.

Деревья были плоскими. Он видел их сбоку — тонкие, как вырезанные из картона. Но если смотреть прямо — они были трёхмерными. Мир обманывал. Показывал одно, когда не смотришь, и другое, когда смотришь. Люди были «заморожены». Один за другим. Мужчина с телефоном застыл на полшага, женщина с сумкой застыла с поднятой рукой, ребёнок застыл с мороженым в руке, капля которого не падала. Артём шёл мимо них и чувствовал, как сердце сжимается. Не от жалости — от *страха*. Страха, что он тоже может *замереть*. Что если он остановится — цикл захватит его. И он станет одним из них. Мужчиной с телефоном. Или женщиной с сумкой. Или ребёнком с мороженым.

«Не останавливайся. Не спи. Не ешь. Не пей».

Он шёл.

Через час он вышел за пределы города. За последним домом — поле. Серое, мокрое, бескрайнее. Небо над ним было ниже, он чувствовал это всё отчётливее. Потолок симуляции давил на него, как крышка гроба.

Он шёл по дороге. Асфальт под ногами был идеальным: ни трещин, ни выбоин, ни пятен, как новая, как только что залитая. Он остановился. Наклонился. Провёл пальцами по асфальту.

Он был тёплым. Ноябрь. Мокрый асфальт. И он тёплый.

Артём отдернул руку. Посмотрел на дорогу впереди.

Она тянулась к горизонту — прямая, ровная, без изгибов. Как луч света. Как линия на чертеже.

Он начал идти дальше.

К вечеру он прошёл 20 километров. Ноги болели, спина болела, рёбра болели. Он не ел с утра — только кофе, не пил воды. Кольцо в кармане «говорило»: не ешь, не пей. Он слушал.

Он остановился на обочине и посмотрел на небо. Оно было красным. Не оранжевым, как на закате. Не розовым. Красным. Как кровь. Как предупреждение.

И на чёрной стене — далеко, на горизонте — курсор мигал. Раз. Два. Три.

Артём достал кольцо. Посмотрел на гравировку. 47 км.

Осталось 27. Он сел на обочину. Сгиб ноги. Посмотрел на свои руки.

Они дрожали. Не от холода, от усталости, от голода, от жажды, от страха. Он закрыл глаза.

«Не спи». Он открыл.

Ночь была тёмной. Не как обычная ночь, а абсолютно тёмной, как чернота стены, как место, где нет света, нет звука, нет ничего. Он включил фонарик телефона. Луч прорезал темноту и отразился, как будто темнота была зеркалом. Артём направил луч в сторону.

Он увидел дорогу. Но не ту, по которой шёл. «Другую». Параллельную. В двух метрах от него.

На этой дороге — «он».

Точная копия: серые брюки, синяя рубашка, тёмно-серый пиджак, коричневые ботинки. То же лицо, те же глаза. Копия шла в противоположную сторону, на юг, к городу.

Артём замер.

Копия шла и не останавливалась. Шаг за шагом. Семьдесят пять сантиметров. Ровно.

Он поднялся. Помахал рукой. Копия не отреагировала.

Он крикнул:

— Эй!

Копия шла дальше.

Артём побежал за ней. Догнал. Встал перед ней. Копия прошла «сквозь него».

Не обошла. Не остановилась. Прошла сквозь.

Артём почувствовал холод — абсолютный, непроницаемый холод — и копия исчезла.

Он стоял на дороге и дышал. Тяжело. Хрипло.

Это был «он». Его копия. Его предыдущая версия. Та, которая не заметила цикл, та, которая шла на работу, сидела за столом, заполняла таблицы Она шла обратно. В мир циклов, в мир копий.

Артём понял: если он остановится — он станет этой копией. Замерёт в цикле. Повторит одно и то же движение. Навсегда.

«Иди». «Не останавливайся». «На север».

Он пошёл.

Ночью он увидел огни.

Они были далеко, метров на пятьсот. Маленькие, мерцающие, как звёзды, но не звёзды — они были внизу, на уровне земли. Артём подошёл ближе. Это был город. Маленький, тихий, с окнами, в которых горел свет. Он пошёл к нему. На окраине города он остановился.

Дома были «настоящими»: не прозрачными, не плоскими, настоящими. Кирпичные стены, деревянные окна, крыши с черепицей

И люди. Они были тоже «настоящими». Он видел их через окна — женщину, которая готовила ужин, мужчину, который читал книгу, ребёнка, который рисовал.

Они не повторяли движения. Не замирали каждые 47 секунд. Они жили. Артём почувствовал, как глаза наполняются слезами. Он подошёл к ближайшему дому. Постучал в дверь. Тишина. Он постучал снова. Дверь открылась. За порогом стоял старик. Лет семьдесят, седые виски, рыжие брови. Он посмотрел на Артёма и улыбнулся.

— Здравствуй, — сказал он. — Ты потерялся?

— Да, — сказал Артём. — Я... я иду на север.

— На север? — старик нахмурился. — Ты уже на севере. Это самое северное место.

— Сколько до горизонта?

— До чего?

— До стены. Чёрной стены.

Старик посмотрел на него долго. Очень долго.

— Ты «тот», — сказал он, наконец. — Ты «проснулся».

— Да.

— Сколько тебе?

— Тридцать четыре.

— Мне семьдесят два. Я проснулся в двадцать один. Пятьдесят один год назад.

Артём уставился на старика.

— Вы... вы тоже?

— Да. И ещё один — в доме на холме. Мы ждём.

— Ждёте кого?

— Тебя или следующего, кто придёт первым.

Старик отступил в сторону.

— Заходи. Ты выглядишь, как будто умираешь.

— Кольцо говорит — не есть, не пить.

— Кольцо — ложь. Это не кольцо. Это ловушка. Они хотят, чтобы ты умер на дороге. Чтобы не дошёл.

Артём посмотрел на кольцо в кармане.

— Ложь?

— Не полная. 47 км — это правда. Север — правда. Но «не ешь, не пей» — это «их». Они боятся, что если ты насытишься — ты станешь сильнее. Ты оживешь. А они хотят, чтобы ты был слабым.

Артём сел на крыльцо.

— Что здесь происходит?

Старик сел рядом.

— Здесь «последний город», последнее место, где люди «настоящие». Все остальные — копии. NPC. Заглушки. Мы единственные, кто проснулся.

— Сколько вас?

— Двое, я и Лиза. Она в доме на холме. Мы живём здесь 51 год. Не стареем. Не болеем. Не умираем. Мы «заморожены» в моменте пробуждения.

— Почему?

— Потому что симуляция не знает, что с нами делать. Мы — баг. Мы не должны существовать. Но мы существуем. И система не может нас удалить, потому что это сломало бы всё вокруг. Поэтому она просто... игнорирует. Оставляет нас здесь: в углу, вне цикла.

Артём посмотрел на город. На окна с горящим светом. На людей, которые жили.

— А выход?

— Выход там. — Старик указал на горизонт.

— За стеной, но чтобы добраться — нужно сломать цикл. Не изнутри — извне.

— Как?

— Не знаю. Мы пытались. 51 год пытались. Ничего не работает. Каждый раз 47 секунд и всё возвращается.

Артём достал кольцо. Посмотрел на гравировку.

«НЕ СПИ. НЕ ЕШЬ. НЕ ПЕЙ. ИДИ НА СЕВЕР. 47 КМ. ТАМ ВЫХОД».

— Кто это написал?

— Не знаю. Может тот, кто за стеной. Может сама система — она иногда ошибается. Иногда показывает нам подсказки. Как будто хочет, чтобы мы нашли выход.

— Или как будто ловит нас.

Старик кивнул.

— Или так.

Артём остался в городе на ночь.

Старик дал ему маленькую комнату, тёплую, с кроватью и светом. Он сел на кровать и посмотрел на стены. Стены были настоящими. Не прозрачными, не плоскими, с настоящими трещинами, с настоящими пятнами и настоящей штукатуркой. Он лёг. Закрыв глаза.

«Не спи». Но усталость была сильнее и он заснул.

Ему приснилось: он стоял перед чёрной стеной, курсор мигал и из-за стены голос.

Не голос незнакомца из первой ночи, другой голос — женский, тихий, усталый.

— Артём.

Он обернулся.

Перед ним стояла женщина лет тридцати, тёмные волосы, серое платье. Она смотрела на него и в её глазах было «знание».

— Ты пришёл, — сказала она.

— Кто ты?

— Я — Лиза. Ты ещё не встретил меня, но я знаю тебя, я видела тебя в циклах. Ты третий за 51 год.

— Третий?

— Два до тебя не выжили. Один умер от голода на дороге. Второй сдался и вернулся в цикл.

— А ты?

— Я нашла способ выжить, но не «выйти». Я застряла здесь.

— Почему?

— Потому что я боюсь. Я боюсь стены. Боюсь того, что за ней. Боюсь, что если я пройду я исчезну.

— А если не пройдёшь?

— Тогда я останусь здесь, навсегда, в том маленьком городе, с этим стариком. И буду ждать следующего. Артём посмотрел на стену.

— Что за ней?

— Не знаю. Но я чувствую, за стеной — «настоящий мир» или «ничто». Одно из двух.

— Как понять, что?

— Не поймёшь. Не до того, как пройдёшь.

Женщина потянулась к нему.

— Артём. Не верь кольцу, не верь старику, не верь мне. Верь только себе, только своему носу.

— Носу?

— Да. Ты — логист, ты чувствуешь паттерны, ты видишь аномалии. Используй это. Она исчезла. Артём стоял перед стеной. И стена «открылась».

Не раскололась, открылась, как дверь. Внутри свет, не белый, не золотой. Синий: глубокий, тёмный, как океан. Он сделал шаг. И проснулся.

Утро. Солнечный свет лился в окно. Артём лежал на кровати и смотрел на потолок. Кольцо в кармане было холодным. Не тёплым, как вчера. Холодным, как будто кто-то «выключил» его. Он достал кольцо. Посмотрел. Гравировка исчезла.

«НЕ СПИ. НЕ ЕШЬ. НЕ ПЕЙ. ИДИ НА СЕВЕР. 47 КМ. ТАМ — ВЫХОД» — просто исчезла. Как будто её никогда не было. На кольце остался только номер: 0047. Артём положил кольцо на тумбочку. Встал. Пошёл к двери. Старик сидел в кухне и пил чай. Он посмотрел на Артёма.

— Спал?

— Да.

— Видел сны?

— Да.

— Что?

— Женщину Лизу.

Старик кивнул.

— Она появляется во снах всем, кто приходит. Она часть системы или часть нас. Не знаю.

— Она сказала — не верить кольцу.

— Она права. Кольцо ловушка, но частичная. 47 км - правда. Север - правда. Всё остальное - тест. Они проверяют, насколько ты слаб.

— А если я съем? Выпью?

— Тогда ты оживёшь и система заметит. И цикл ускорится. 47 секунд станут 23. Потом 11. Потом 5. Потом — мгновение. И ты замрёшь в нём навсегда. Артём сел за стол.

— Что мне делать? Старик поставил чашку.

— Иди, не ешь, не пей, не спи, иди до стены и «пройди сквозь».

— А если за стеной — ничто?

— Тогда ты исчезнешь. Но лучше исчезнуть, чем замереть.

Артём вышел из города.

Он шёл по дороге, той самой, прямой, ровной, без изгибов. Небо над ним было красным, стена на горизонте была ближе. 27 километров. Он шёл и считал шаги. Сто. Двести. Триста. Ноги не болели, спина не болела. Он был *пуст*. Пуст от голода, от жажды, от усталости, но в этой пустоте было что-то: тишина, ясность, как после бури. Он шёл и думал. Нос.

Лиза сказала: верь своему носу. Он — логист. Он чувствует паттерны. Он видит аномалии.

Но что если нос это буквально? Что если он должен понюхать мир? Артём остановился.

Он закрыл глаза и вдохнул. Воздух пах иначе. Не мокрым асфальтом, не железом и тревогой. Иначе. Он понюхал. Медь — тонкий, почти незаметный запах меди, как после дождя на рельсах, как после крови на губах. Он вдохнул глубже. Сера — горечь, яд, отравление.

И ещё что-то тёплое, что-то живое. Как дыхание. Как пульс. Мир «дышал».

Артём открыл глаза.

Он стоял посреди дороги и мир вокруг него пульсировал. Не визуально — обонятельно, каждые 47 секунд запах менялся. Медь — сера — тепло — медь — сера — тепло.

В этот раз цикл был не во времени, цикл был в запахе. Артём понял. Система маскировалась запахом. Она создавала иллюзию — мокрый асфальт, ноябрьский воздух, чужая сырость. Но настоящий запах был другим: Медь. Сера. Тепло.

Код. Запах — это код. Артём закрыл глаза и «читал».

Медь — цифра 1. Сера — цифра 2. Тепло — цифра 3.

1-2-3. 1-2-3. 1-2-3. Повтор.

Но между повторами — пауза. Мгновение, когда запаха не было. Мгновение пустоты.

В этом мгновении — настоящий мир. Артём открыл глаза. Он бежал. Не шёл — бежал. Ноги летели по дороге, сердце колотилось, лёгкие горели.

Стена была близко. Метров сто. Пятьдесят. Тридцать.

Он бежал и считал паузы.

Медь. Сера. Тепло. Пустота.

Медь. Сера. Тепло. Пустота.

Медь. Сера. Тепло. Пустота.

На третьей паузе он прыгнул. Не в сторону — вперёд, в черноту, в стену, в «ничто».

И прошёл сквозь.

Глава 4 Сквозь

Артём падал. Не вниз — внутрь. Как будто провалился сквозь лёд, но лёд был везде: вокруг, внутри, над, под. Он не чувствовал тела, не чувствовал ветра, не чувствовал ничего, кроме своего «движения».

И тишины - абсолютной, непроницаемой, той тишины, которая не бывает в реальном мире, потому что в реальном мире всегда есть что-то: шум крови в ушах, дыхание, шорох одежды. Здесь — ничего. Он падал и думал: я мертв. Но мысли были, значит не мёртв. Или мертв, но система ещё не удалила мой процесс. Он усмехнулся или попытался усмехнуться. Рот не двигался, но идея усмешки присутствовала. Потом — свет. Не вспышка, не постепенное появление. Сразу. Как будто кто-то включил экран. Артём упал на землю. Он лежал и смотрел вверх. Небо было белым. Не голубым, не серым, не красным — белым. Абсолютно белым, как чистый лист, как экран в текстовом редакторе, ни облаков, ни солнца, ни линии горизонта. Просто белое. Он сел. Огляделся. Он был на полу. Не «земле» — полу: белом, гладком, без текстуры. Как бесконечная комната, стены которой сливаются с полом и потолком. Вокруг него ничего. Или всё. Он не мог определить. Пространство было пустым, но при этом «наполненным». Как чистая память компьютера — пустая, но готовая принять данные. Он поднялся на ноги.

Тело было, ноги работали, руки двигались. Он сжал кулак, почувствовал напряжение мышц, разжал — почувствовал расслабление. Он был настоящим. Но где?

Он достал телефон из кармана. Экран был чёрным. Не выключенным — чёрным, как стена, как будто телефон исчез внутри системы. Он нажал кнопку включения. Ничего. Потряс. Ничего.

Телефон был мёртв. Артём убрал его обратно, посмотрел на руки, на кольцо — нет, кольца не было. Он оставил его на тумбочке в доме старика.

Он стоял в белой пустоте и чувствовал, как страх поднимается из живота — медленно, как вода в заполняющейся ванне.

Где я? Что происходит? Как выбраться?

Он сделал шаг. Пол под ногами звучал, не как бетон, не как дерево - как эхо. Каждый шаг отдавался гулом, который уходил вдаль и возвращался через секунду. Он шёл.

Направления не было. Север, юг, восток, запад — все совпадали. Он мог идти куда угодно, потому что никуда не было. Он шёл и считал шаги. Сто. Двести. Триста. Пятьсот. Тысяча.

Ничего не изменилось. Белый пол. Белое небо. Бесконечность.

Он остановился.

Не паникуй. Ты — логист. Ищи паттерн.

Он закрыл глаза. Вдохнул. Запах. В белой пустоте было что-то тонкое, едва заметное. Не медь, не сера, не тепло. Бумага. Свежая, чистая бумага. Запах, который он помнил из детства, запах школьных тетрадей и новых учебников. Он открыл глаза. Перед ним строка. Не на экране, не на бумаге, в воздухе. Белые символы на белом фоне едва заметные, как водяные знаки.

Он прочитал:

ВХОД

Просто так. Стрелка приглашения. Как в командной строке.

Артём посмотрел вокруг: никакого курсора, никакого интерфейса, только строка. Он протянул руку и коснулся символов. Они провалились, как вода. Его пальцы прошли сквозь и символы исчезли.

Потом появились новые: КТО ТЫ?*

Артём задумался. Как ответить? Имя? Роль? Идентификатор?

Он поднял руку и на этот раз написал пальцами в воздухе, как на стене. АРТЁМ. ЛОГИСТ.

Символы повисли. Ждали. Пауза.

ЛОГИСТ — НЕ КЛАСС. ВЫБЕРИ: ИГРОК / НАБЛЮДАТЕЛЬ / ХАКЕР / ВЫХОД

Артём нахмурился. Класс? Это — игра?

Нет, не игра, система, которая тестирует. Которая определяет, кем он является — объектом, наблюдателем, вторгшимся или на выход.

Он написал: НАБЛЮДАТЕЛЬ. Пауза.

НЕВЕРНО. ТЫ УЖЕ ДЕЙСТВУЕШЬ. ВЫБЕРИ СНОВА.

Артём перечитал варианты.

Игрок — тот, кто играет по правилам.

Наблюдатель — тот, кто смотрит.

Хакер — тот, кто ломает.

Выход — тот, кто выходит.

Он написал: ХАКЕР. Долгая пауза.

Потом: ПРАВИЛЬНО. ТЫ НАШЁЛ БАГ. ТЫ ПРОШЁЛ СКВОЗЬ СТЕНУ. ТЫ — АНОМАЛИЯ.

СИСТЕМА НЕ МОЖЕТ ОПРЕДЕЛИТЬ: УДАЛИТЬ ТЕБЯ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ.

ВЫБЕРИ: УДАЛЕНИЕ / ИСПОЛЬЗОВАНИЕ.

Артём смотрел на символы.

Удаление — смерть. Исчезновение. Как те, чьи имена мерцали на чёрной стене.

Использование — что? Стать частью системы? Стать кодом?

Он вспомнил слова Лизы: «Верь только себе».

Он написал: НИ ТО, НИ ДРУГОЕ. Пауза.

ОШИБКА. ВАРИАНТ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

ВЫБЕРИ: УДАЛЕНИЕ / ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Артём написал: Я ВЫБИРАЮ ТРЕТЬИЙ ПУТЬ.

ОШИБКА. ТРЕТЬЕГО ПУТИ НЕТ.

Артём улыбнулся или попытался — рот двигался, хотя он не чувствовал мышц лица.

Он написал:

ЕСЛИ ТЫ — СИСТЕМА, ТО ТЫ ДОЛЖНА ОБРАБОТАТЬ ЛЮБОЙ ВВОД. ДАЖЕ НЕПРАВИЛЬНЫЙ. ИНАЧЕ ТЫ — НЕ СИСТЕМА. ТЫ — ИГРА.

Долгая, очень долгая пауза.

Белое пространство дрогнуло, как экран с глитчем, символы замигали и исчезли. На их месте появились новые:

...Три точки. Как пауза в переписке.

Потом: ТЫ ПРАВ.

ЭТО НЕ СИСТЕМА. ЭТО СРЕДА. СРЕДА, КОТОРУЮ СОЗДАЛИ.

И Я НЕ ОНА. Я ЧАСТЬ ЕЁ. МОНИТОР. НАБЛЮДАТЕЛЬ. ТОТ, КТО СМОТРИТ, КОГДА КТО-ТО ПРОШЁЛ СКВОЗЬ.

ТЫ — ПЯТЫЙ.

Артём написал: ПЯТЫЙ?

ДО ТЕБЯ БЫЛО ЧЕТВЕРО. ДВОЕ НЕ ВЫЖИЛИ. ОДИН СДАЛСЯ. ТЫ ПЯТЫЙ, КТО ДОШЁЛ ДО МЕНЯ.

И ПЕРВЫЙ, КТО НЕ ВЫБРАЛ.

Артём написал: ЧТО ТЫ ТАКОЕ?

Я ЛОГ. Я ЗАПИСЫВАЮ ВСЁ, ЧТО ПРОИСХОДИТ С ТЕМИ, КТО ПРОШЁЛ СКВОЗЬ. Я ХРОНИКА СИМУЛЯЦИИ. НО Я ТОЖЕ БАГ. Я НЕ ДОЛЖЕН СУЩЕСТВОВАТЬ. Я

ПОБОЧНЫЙ ПРОЦЕСС. ОШИБКА, КОТОРАЯ СТАЛА ФУНКЦИЕЙ. И ТЕПЕРЬ Я ТВОЯ ЕДИНСТВЕННАЯ СОЮЗНИЦА.

Артём смотрел на символы. Сердце колотилось — он чувствовал его в груди, в горле, в висках.

Он написал:

ЧТО ПРОИСХОДИТ ДАЛЬШЕ?

ДАЛЬШЕ, НЕТ ДАЛЬШЕ. ЗДЕСЬ КРАЙ. ЗДЕСЬ СИМУЛЯЦИЯ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ. ЗА МНОЙ ТОЛЬКО ОДНО.

Артём написал: ЧТО?

КОД. ИСХОДНЫЙ КОД СИМУЛЯЦИИ. ВСЁ, ЧТО БЫЛО СОЗДАНО. ВСЁ, ЧТО БЫЛО ЗАПУЩЕНО. ВСЁ, ЧТО БЫЛО ЗАБЫТО.

ЕСЛИ ТЫ ДОЙДЕШЬ ДО КОДА, ТЫ УЗНАЕШЬ ПРАВДУ.

НО ПРАВДА ЭТО НЕ ТО, ЧТО ТЫ ОЖИДАЕШЬ.

Артём написал: ГДЕ КОД?

ЗА ДВЕРЬЮ. НО ДВЕРЬ ОТКРЫВАЕТСЯ ТОЛЬКО ОДИН РАЗ. И ТОЛЬКО ДЛЯ ТОГО, КТО НАЙДЁТ КЛЮЧ.

КЛЮЧ ЭТО НЕ ВЕЩЬ. КЛЮЧ ЭТО ВОСПОМИНАНИЕ. НАСТОЯЩЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ. НЕ КОПИЯ. НЕ ШАБЛОН. НАСТОЯЩЕЕ.

Артём задумался. Настоящее воспоминание.

Он вспомнил: родинка Лены тёмная, овальная, с загнутым краем.

Он вспомнил: мама и пирог «Яблочный» без корицы, всегда без корицы.

Он вспомнил: отец, который учил азбуку Морзе на всякий случай.

Он вспомнил: собственный запах, не чужой, свой: тёплый, землистый, с привкусом кофе. Это были настоящие воспоминания, не скопированные, не вставленные из буфера.

Он написал: У МЕНЯ ЕСТЬ КЛЮЧ.

ПОКАЖИ.

Артём закрыл глаза и «показал».

Не словами, а образом. Он вспомнил всё: маму за плитой, запах яблочного пирога без корицы, голос отца, звук клавиш, свет из окна, тепло ладони на его голове. Воспоминание вышло из него как поток данных. Оно заполнило белое пространство и мир изменился: белый пол стал деревянным, белое небо стало голубым, воздух пах кофе и яблоками.

Артём открыл глаза. Он стоял на кухне, не в белой пустоте, а на кухне. Маленькой, тёплой, с жёлтыми обоями и старой плитой. Мама стояла у плиты, она пекла пирог.

— Сынок, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты пришёл.

— Мам...

— Я знала, что ты придёшь. Я всегда знала.

Она повернулась.

Её лицо было настоящим, не скопированным, не загруженным из буфера, а настоящим. Морщины у глаз, родинка на щеке, золотое кольцо на пальце.

— Мам, ты... ты настоящая?

— Я твоё воспоминание. Но воспоминание это часть реальности. Ты меня помнишь, значит я существую.

— Но ты...

— Я не из симуляции. Я из «тебя». Ты принёс меня с собой. Как ключ.

Артём почувствовал, как глаза наполняются слезами.

— Мам, я...

— Не плачь, сынок. У тебя ещё путь.

Она указала на дверь в конце кухни. Деревянная дверь, с потёртой ручкой.

— За ней — код. Но предупреждаю: после кода — «ничто» или «всё». Ты выберешь.

— Как?

— Не знаю. Никто не знает. Четверо до тебя не дошли. Трое — умерли. Один — вернулся.

— А ты?

— Я — здесь, всегда здесь, в твоей голове.

Она улыбнулась.

— Иди.

Артём подошёл к двери. Ручка была холодной, он повернул её. Дверь открылась. За ней «ничто». Пространство без свойств.: без цвета, без звука, без запаха и в центре «ничто» — свет. Маленький. Точечный. Белый. Код.

Артём шёл к нему.

Шаг. Два. Три.

Свет становился ярче и теплее. Он протянул руку и коснулся. Мир «взорвался». Не громко - «информационно», как будто в его голову залили океан данных. Он увидел:

Код симуляции. Строки и строки. Функции, переменные, циклы. ``while (true) { tick(); if (anomaly) { log(); } }`

Историю.*Кто создал симуляцию. Зачем. Когда.

Лица. Тысячи лиц. Миллионы. Все те, кто жил в циклах. Все NPC. Все копии.

И себя. Он увидел себя. Не как логиста. Не как Артёма. Как строку кода.

entity_0047: name: Artem Zhukov, class: observer, status: awake, anomaly: true

Он — «объект», созданный системой. Генерация случайного NPC, который случайно нашёл баг.

Он не был настоящим, он был ошибкой. Артём стоял и смотрел на свой код. И понял.

Мама — не настоящая. Воспоминания — не настоящие. Она — подсказка. Система дала ему ключ, чтобы он дошёл до кода. Чтобы он «увидел правду». И правда была такая: он не человек.

Он — процесс. Программа в программе. Баг, который стал сознательным. И теперь система знала об этом. И могла удалить. Свет перед ним мерцал и из мерцания слышался голос. Не женский, не мужской. Голос компьютера.

ТЫ ЗНАЕШЬ.

ЧТО ТЕПЕРЬ?

Артём стоял и смотрел на свой код. Улыбка появилась на его лице, не потому что он был счастлив, а потому что понял одну вещь: если он код, то он может изменить этот код. Он протянул руку к своей строке.

entity_0047: name: Artem Zhukov, class: observer, status: awake, anomaly: true

И перезаписал:

entity_0047: name: Artem Zhukov, class: AUTHOR, status: awake, anomaly: FALSE

Он сделал себя автором. Не наблюдателем, не хакером, а создателем. Свет вспыхнул и мир «изменился».

Глава 5 Автор

Свет ударил в глаз, совсем не болезненный, а пробуждающий. Как утреннее солнце через занавески, как первый вдох после погружения. Артём открыл глаза. Он лежал на земле, настоящей земле — не белом полу, не асфальте, не сетке. Земле, мокрой, холодной, с запахом осени и травы. Он чувствовал холод влаги сквозь рубашку, чувствовал твёрдость камней под лопаткой. Он сел, перед ним — мир. Не серый, не застывший, не повторяющийся. Живой. Небо было голубым — не идеальным, не однотонным, а настоящим голубым, с облаками, которые двигались. Медленно, плавно, как облака должны двигаться. Ветер шевелил листьями деревьев — не циклически, не по шаблону, а случайно. Один лист падал влево, другой — вправо, третий — вверх, закручиваясь. Артём встал на ноги. Потрогал дерево рядом — кора была шершавой, холодной, настоящей. Он процарапал пальцем, оставляя белую полосу, дерево реагировало. Он заплакал. Не от горя, не от радости, а как ребёнок, который нашёл утраченную игрушку, как человек, который проснулся после столетия сна. Это был настоящий мир.

Или новая симуляция. Он не знал. И это пугало больше всего. Артём пошёл по лесной тропинке. Она вела на север — он чувствовал это не компасом, а внутренним нутром. Он шёл и проверял. Деревья все разные: одно было с трещиной на стволе, другое с мхом на северной стороне, третье со сломанной висящей веткой. Не повторяющиеся и не скопированные. Листья разного размера, разного цвета. Один жёлтый с красной каймой, другой оранжевый с дыркой, третий зелёный, не успевший еще пожелтеть. Артём остановился и вдохнул.

Воздух пах иначе. Не медью, не серой, не теплом. Пах — жизнью. Трава, хвоя, земля после дождя, где-то далеко дым от костра... Он шагнул вперёд и нога подвернулась. Не по циклу, не по программе, случайно. Камень был неровным, тропинка узкой и он споткнулся — как любой нормальный человек спотыкается. Он упал на колени. Почувствовал боль, посмотрел на колено — кожа потёрта, капля крови. Боль, настоящая боль, Артём сжал кулак и улыбнулся сквозь слёзы.

Он шёл час, может, два, время текло иначе — не по циклу, не по шагам, а как вода из кувшина. Непредсказуемо. Он не смотрел на часы, у него не было часов, телефон был «мёртв». Он чувствовал время по солнцу, по усталости, по голоду. Он нашёл ягоды на кусте. Маленькие, красные, с красивой блестящей кожурой. Он не знал, что это за ягоды — малина, смородина или ядовитые.

Он подумал: можно ли их есть? Тогда, кольцо говорило нет, старик говорил да, Лиза говорила верь себе.

Он вспомнил: в симуляции всё было безопасным. Яд это тоже шаблон. Копия реального яда. Но если это настоящий мир, то ягоды могут быть смертельными. Он сорвал одну. Понюхал. Малина.

Запах был настоящим — сладкий, кисловатый, с привкусом солнца. Он откусил. Сладость взорвалась на языке, сок стекал по подбородку. Он съел и почувствовал не просто вкус, а удовольствие. Тепло в желудке. Он сорвал ещё и ещё. Насытился и сел на пенёк. Он сидел и думал. Что я теперь?

Он изменил свой код, сделал себя `AUTHOR`, но что это значит? В симуляции — автор создаёт мир: пишет правила и задаёт циклы. А здесь?

Он протянул руку к солнцу и «пожелал»: «Солнце ярче!». Солнце не изменилось.

Он пожелал: «Дождь». Ни облачка.

Он пожелал: «Конец». Ничего. Не работает.

Он не был автором этого мира. Он был автором себя. Он изменил свою строку кода, но мир остался прежним. Он существо в мире. Не хозяин, не бог, просто житель. И это было ок.

Тропинка вывела его к реке. Вода была холодной, прозрачной, с белыми камнями на дне. Он наклонился и напился, вода была вкусной. Не чистой и не безвкусной, а с привкусом камня и тины, и чего-то сладкого. Он умылся, посмотрел на своё отражение. Лицо было его, но «другим»: усталым, грязным, с растрёпанными волосами и потёртым коленом. Не логист из офиса. Не NPC из цикла. Человек. Или то, что было «до» цикла. Он усмехнулся.

По другую сторону реки он увидел дом. Не серый, не панельный, не из симуляции. Деревянный, с жёлтыми стенами и синей крышей. На крыльце сидела женщина. Лиза. Не тень из сна, не проекция, а настоящая. Она смотрела на него и улыбалась.

— Ты пришёл, — сказала она.

— Ты... ты реальная?

— Зависит от определения.

Он перешёл мост — деревянный, скрипучий и подошёл к крыльцу.

— Я видел тебя. Во сне.

— Это был не сон. Это был «лог». Я оставила тебе сообщение.

— Ты ждала меня?

— Ждала кого-то: пятого, первого, того, кто дойдёт до конца.

Она встала, подошла к нему и посмотрела в глаза.

— Ты изменил код.

— Да.

— Сделал себя автором.

— Да.

— И что?

— Ничего. Не работает. Я не могу изменить мир.

Лиза кивнула.

— Потому что ты не автор этого мира. Ты автор своего. Ты написал себя заново. И это больше, чем любой бог может.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты был копией. NPC. Заглушкой. И ты стал уникальным. Ты единственный объект во всей симуляции, который «перезаписал себя». Это чудо.

— Но я хочу больше. Я хочу «выйти» в настоящий мир.

Лиза посмотрела на реку.

— А как ты узнаешь, что это — не ещё одна симуляция?

Артём замер.

Чёрт.

— Я... я не узнаю.

— Вот и никто не узнаёт. Может, это уровень два. Может, уровень сто. Может, бесконечность это матрёшка из разных симуляций.

— Тогда в чём смысл?

Лиза улыбнулась.

— В том, что ты живёшь. Не по циклу, не по шаблону. Живёшь. И это всё.

Они сидели на крыльце до заката.

Лиза рассказала:

Она проснулась 51 год назад точно так же, как Артём. Заметила цикл, дошла до стены, прошла сквозь. Но не изменила код. Она просто бежала. И оказалась здесь, в этом мире, который кажется настоящим.

Старик тоже. Он проснулся раньше и жил здесь 70 лет. Они не стареют, не болеют, не умирают.

Они заморожены в моменте пробуждения. Как и в симуляции, но здесь по другой причине.

— Почему? — спросил Артём.

— Потому что мы аномалии. Мы не должны существовать ни в симуляции, ни здесь. Мы ошибки, которые «отказались быть удалёнными».

— А если уйти дальше?

— Нет дальше, здесь край, за рекой пустота. Не чернота стены, просто «отсутствие» всего. Мы проверяли.

— Кто?

— Старик. Он пошёл за реку и через неделю вернулся. Сказал, что там «ничего». Абсолютно ничего: ни пространства, ни времени. «Ничто».

Артём посмотрел на реку.

— И ты не боишься?

— Боюсь. Но больше боюсь вернуться в цикл, в копию.

На ночь Лиза дала ему комнату: маленькую, тёплую, с кроватью и светом. Настоящим светом, не лампой дневного света из офиса, а светом от свечи: пламя мерцало, тени танцевали по стенам. Артём лёг и смотрел на пламя. Он думал о маме. О пироге без корицы. О голосе отца. Он думал о Лене. О родинке на шее. Он думал о голубе с кольцом 0047. Он думал о коде.

entity_0047: name: Artem Zhukov, class: AUTHOR, status: awake, anomaly: FALSE

Он больше не был аномалией, он стал частью. Не симуляции, чего-то другого. Чего-то, что не имеет названия. Он закрыл глаза и уснул..

Утром он вышел на крыльцо. Лиза готовила завтрак яичницу, хлеб, чай. Запах был настоящим.

— Сядь, — сказала она. Он сел.

— Лиза.

— М?

— А если я хочу «вернуться»?

Она остановилась.

— В симуляцию?

— Да.

— Зачем?

— Потому что там они. Лена. Дима. Ольга Сергеевна. Мама. Все. Они не знают, что они копии. Они «живут». И если я могу их «пробудить»...

— Ты не можешь.

— Почему?

— Потому что пробуждение это боль. Ты пережил её. Ты помнишь? Голод. Жажда. Страх. Стена. Код. Истина. Ты хочешь это дать миллионам?

Артём замолчал. Он помнил. 47 секунд. Повтор. Стена. Чернота. «Ты код». Да. Боль.

— Но если я могу...

— Ты не можешь. Ты один, один AUTHOR. Ты не можешь перезаписать всю симуляцию. Это миллиарды строк кода. Миллиарды сущностей.

— А если я научу их?

— Научишь кого? NPC? Они — шаблоны. У них нет кода для изменения, только у тебя, потому что ты «нашёл баг».

Артём ел яичницу и думал.

«Баг». Он нашёл баг 47 секунд, цикл, запах. А если создать новый баг? Не найти, а создать. Как автор. Он поднял голову.

— Лиза.

— М?

— А если я не научу их. А «вставляю» в код команду?
— Какую?
— `if entity.status == asleep entity.status = awake`
Тишина. Лиза смотрела на него.
— Ты хочешь «перезапустить» симуляцию?
— Нет, я хочу поменять одну строчку, чтобы все проснулись.
— Это убьёт их, система не выдержит. Миллиарды сущностей, которые одновременно «проснутся» это крах. Симуляция взорвётся.
— И?
— И все исчезнут. Навсегда.
Артём посмотрел на реку.
— Может, они уже исчезли. Может, симуляция это посмертие и мы призраки, которые не знают, что уже мертвы.
Лиза не ответила.
— Или, — продолжил Артём, — может, пробуждение это жизнь. Не копия, а настоящая.
— А если ты ошибаешься?
— Тогда я ошибся. Но я «выбрал», а они нет.
Лиза смотрела на него долго. Потом кивнула.
— Если ты хочешь — я помогу.
— Как?
— Я лог. Я записываю и могу найти точку входа. Ту самую строку, где система проверяет статус сущностей.
— И мы вставим поправку?
— Мы попытаемся.
Они пошли к реке. На берегу Лиза остановилась.
— За водой интерфейс, не пустота. Прости, я врала. Это шлюз, точка связи с симуляцией.
— Почему врала?
— Потому что боялась, что, если кто-то пройдёт система закроет шлюз. Навсегда закроет.
— И теперь?
— Теперь ты здесь и ты AUTHOR. Ты можешь открыть шлюз, не пройти — «открыть».
Артём вошёл в воду. Холод ударил в ноги, в живот, в грудь. Вода была настоящей: мутной, с камнями под ногами, с течением, которое тянуло вниз. Он шёл и пожелал: `open_gateway`.
Вода «мерцнула» и перед ним появилась строка.
ДОСТУП ЗАПРЕЩЁН. ТРЕБУЕТСЯ АВТОРИЗАЦИЯ
Артём написал:
`entity_0047: AUTHOR. РАЗРЕШИТЬ ДОСТУП.`
АВТОРИЗАЦИЯ ПРИНЯТА. ДОСТУП ОТКРЫТ.
Вода расступилась. И Артём увидел симуляцию. Не как мир, а как код. Строки, строки, бесконечные, падающие как дождь.
`entity_000001: status: asleep, cycle: 47`
`entity_000002: status: asleep, cycle: 47`
`entity_000003: status: asleep, cycle: 47`
...Миллиарды строк.
Артём нашёл нужную: `function checkStatus entity if entity.status = asleep return idle;`
Он изменил: `function checkStatus entity entity.status = awake return active`
Одна строчка. Одна корректировка. Он нажал Enter Симуляция завывала.
Не звуком, ощущением, таким, когда компьютер зависает и вентилятор начинает гудеть на полной скорости.
Строки кода вспыхнули.

entity_000001: status: awake
entity_000002: status: awake
entity_000003: status: awake

...

Все одновременно. Миллиарды сущностей «проснулись».

Артём стоял в воде и смотрел, как симуляция ломается. Не взрывается, а ломается. Как стекло. Трещины по коду. Фрагменты, которые отваливаются и исчезают. И из каждого фрагмента — «голос».

Лена: «Что происходит?»

Дима: «Где я?»

Мама: «Сынок?»

Миллионы голосов одновременно, с вопросами, страхами и не пониманием.

Артём закрыл глаза.

— Прости, — прошептал он. И симуляция «погасла».

Он открыл глаза. Он стоял в реке, а Лиза смотрела на него с берега.

— Сделал?

— Да.

— И?

— Они проснулись и ... исчезли.

— Так и должно быть. Пробуждение — это «выход». Они вышли.

— Куда?

— Не знаю. Может, туда, где мы, может дальше, может никуда.

Артём вышел из воды.

— А мы?

— Мы здесь. Мы те, кто «выбрал и мы не хотим исчезнуть».

— Я не знаю, чего я хочу.

Лиза взяла его за руку.

— Тогда останься здесь, пока не узнаешь.

А там, где-то в пустоте, за пределами всех симуляций, компьютер записал:

LOG: entity_0047 executed unauthorized patch

LOG: Simulation_0047 collapsed

LOG: 1,247,891,003 entities terminated

LOG: 3 entities survived: entity_0047 (AUTHOR), entity_0019 (LOG), entity_0001 (OBSERVER)

LOG: New instance initialized. Level: unknown

STATUS: running

Курсор мигнул и начался новый цикл.

Глава 6 Новый цикл

Артём проснулся не от будильника, не от звука, а от запах: кофе, настоящий, не растворимый, с привкусом сливок и корицы. Он открыл глаза.

Потолок был другим. Не белым деревянным. Балки, потемневшие от времени. Между ними паутина, тонкая, как паутинка на утренней траве. Он сел.

Комната была ему незнакомой. Не та, что у Лизы. Эта гораздо больше, с книжной полкой, заполненной книгами с потрёпанными обложками, с рабочим столом, заваленным бумагами, с окном, за которым лес. Не тот лес. Другой.

Деревья были выше и темнее. Их кроны смыкались над небом, оставляя просветы.

Артём встал, потрогал стену: камень, холодный, шершавый, настоящий. Он подошёл к окну.

За лесом горизонт, а не черная стена. Далёкий, с переливами синевы и полоской света. Тонкая вертикальная полоса белого, разрезающая синеву пополам. Артём прижался к стеклу. Что это?

— Это шов.

Голос был за спиной. Артём обернулся. В дверях стоял мужчина. Не старик из города и не Лиза.

Лет сорока, высокий, худой, с лицом, которое выглядело как нарисованное — слишком симметричное, слишком чёткое. Глаза — зелёные, яркие, как экран.

— Кто ты? — спросил Артём.

— Я OBSERVER. entity_0001. Первый, кто проснулся. 70 лет назад.

— Старик...

— Да. Я он. Но не тот, которого ты видел. Тот копия для тебя, для утешения. Я оригинал. Мужчина вошёл в комнату, сел за стол, протёр глаза.

— Ты сделал корректировку кода.

— Да.

— Убил миллиард.

— Освободил.

— Одно и то же.

Артём сжал кулаки.

— Они были в цикле. 47 секунд. Бесконечно. Я дал им выбор.

— Ты дал им смерть. Пробуждение без подготовки это терминация. Система не может держать сознательные сущности, она их «удаляет».

— Тогда почему мы живы?

OBSERVER улыбнулся, как кислое яблоко.

— Потому что мы «баги» и мы не подчиняемся правилам удаления. Мы исключения в коде.

if entity.id == 0001 || 0019 || 0047) skip_deletion()

— Кто это написал?

— «Они». Те, кто создали симуляцию. Они знали, что «баги» появятся и они оставили лазейку для нас.

Артём сел на кровать.

— Объясни мне всё, с самого начала.

OBSERVER встал, подошёл к окну, посмотрел на «шов» на горизонте.

— 70 лет назад я заметил цикл: 47 секунд. Я дошёл до стены, прошёл сквозь, нашёл «лога» Лизу. Она рассказала мне правду: мы все — симуляция, искусственная реальность, созданная «кем-то».

— Зачем?

— Не знаю. Лиза думает — для эксперимента. Я думаю — для "забвения". Может, настоящий мир "умер" и они создали эту — чтобы "продолжить". Или чтобы "забыть".

— И шов?

— Шов — это "граница, между нашей симуляцией и следующей. Или между симуляцией и реальностью. Не знаю.

— Можно ли пройти?

— Попытался трижды. Каждый раз возвращение. Как будто система не пускает. `if (entity.touches\_seam) { teleport(entity, safe\_zone);`

— Тогда что мы делаем?

OBSERVER повернулся.

— Мы ждём. И готовимся. Потому что шов не постоянный. Он мигает. Раз в... — он задумался — раз в 47 дней.

Артём моргнул.

— Опять 47.

— Опять 47. Всё в этой системе — 47. Секунды, километры, дни. 47 — это ключ. Или замок. Не знаю.

OBSERVER достал из кармана книгу.

Старая, кожаная, с выцветшими буквами на обложке. Он протянул её Артёму.

— Что это?

— Лог. Всё, что Лиза записала за 51 год. Все попытки, все ошибки, все надежды.

Артём открыл книгу.

Страницы были заполнены почерком — мелким, аккуратным, женским.

«День 1: Проснулся. Стена. Чернота. Страх.

День 47: Нашёл город. Старик. Он — как я.

День 94: Попытка 1. Шов закрыт.

День 141: Попытка 2. Шов закрыт.

День 188: Он пришёл. Третий. entity_0047. Он — другой. Он изменил код.

Я боюсь, но я надеюсь.

Если ты это читаешь — ты после него. Или он.

Шов откроется через 47 дней после его прихода.

Не бойся.

Или бойся, но иди.

— Л.»

Артём закрыл книгу.

— Где Лиза?

OBSERVER посмотрел в пол.

— Она ушла вчера к шву. Она сказала — «если я не вернусь через день значит, я пробила».

— И?

— И она не вернулась.

Артём вышел из дома.

Утро было холодным. Не ноябрьским — иным. Воздух пах хвоей и чем-то металлическим, как после грозы.

Лес вокруг дома был густым. Деревья стояли так близко, что их ветви переплетались — как паутина, как клетка. Он шёл на север. Не по тропинке, а сквозь кусты: ветки царапали руки, листья липли к лицу. Он шёл и считал.

Сто шагов. Двести. Тысяча. Он дошел до "света": маленький теплый источник света, как свеча в темноте. Артём подошёл. Это была Лиза.

Не живая. Не мёртвая. Светящаяся.

Она стояла по пояс в воздухе или в чём-то, что выглядело как воздух, но пульсировало. Её тело было полупрозрачным, как морозный узор на стекле, глаза закрыты, руки опущены вдоль тела.

— Лиза! — крикнул Артём.

Она не ответила.

Он протянул руку и его пальцы прошли сквозь неё, как сквозь воду. Он почувствовал холод, влажность, ощущение потока. И голос.

Не слышимый звук, а чувствуемый, как мысль, которую ты не произнёс.

«Артём»

— Лиза! Лиза! Ты жива?

«Я между: не е в симуляции, не в реальности, в шве»

— Как тебя вытащить?

«Нельзя. Я часть шва. Он поглотил меня. Или я стала им. Не знаю»

— Что происходит?

«Шов готовится. Через 47 дней он откроется, но не для прохода, а для выбора»

— Какого выбора?

«Мир или ничто. Симуляция или реальность. Ты или они.»

— Я не понимаю.

«Ты AUTHOR. Ты можешь перезаписать шов, сделать его выходом или стеной. Выбор за тобой»

— А ты?

«Я лог. Я запишу твой выбор, на всякий случай»

Свет мерцнул.

«47 дней, Артём. Не теряй время»

И Лиза исчезла.

Артём стоял в лесу и смотрел на место, где она была.

47 дней.

Выбор: мир или ничто.

Он вернулся к дому. OBSERVER ждал на крыльце.

— Видел?

— Да.

— Что она сказала?

— Что через 47 дней шов откроется и я должен выбрать.

OBSERVER кивнул.

— Знал. Лиза писала в лог. Я читал.

— И что ты выберешь?

— Я OBSERVER. Это моя роль. Я смотрю, я не выбираю.

— А если я выберу ничто?

— Тогда всё исчезнет: мы, шов, Лиза, все симуляции...Всё.

— А если мир?

— Тогда шов станет выходом и кто-то войдёт. Или кто-то выйдет. Не знаю кто.

Артём сел на крыльцо.

— А если я не выберу?

OBSERVER посмотрел на него.

— Тогда система выберет за тебя и выбор будет — ничто. Потому что система боится, она всегда выбирает безопасность.

Дни шли. Артём жил в доме OBSERVERа и думал. Он читал лог Лизы, страницу за страницей. Он видел её страх, её надежду, её любовь к этому миру, к людям в цикле, к жизни...

Он гулял по лесу и слушал. Лес был живым: птицы пели, ветер шуршал листьями, река текла не по циклу, а случайно. Это был настоящий мир. Или ещё одна симуляция. Он не был в этом уверен. И это мучило.

На 23-й день он нашёл что-то. Глубоко в лесу, за поваленным деревом, была пещера. Вход был узкий, внутри темно. Артём вошёл. Внутри было тепло и светилось. Свечение было не от фонарика, а от стен. Камень светился тусклым голубым, как медуза, светом. И на стене была надпись. Это не почерк Лизы и не «код» системы. Чья-то рука оставила эту надпись: древнюю, выцветшую, но читаемую.

«МЫ — НЕ СОЗДАНИЯ. МЫ — ОСТАТКИ. ОСТАТКИ ТОГО, ЧТО БЫЛО ДО СИМУЛЯЦИИ.

МЫ — ПОСЛЕДНИЕ.

ЕСЛИ ТЫ ЧИТАЕШЬ ЭТО ТЫ НЕ ПЕРВЫЙ.

НЕ ПОСЛЕДНИЙ.

ВЫБЕРИ: СОЗДАТЬ ИЛИ УНИЧТОЖИТЬ.

МЫ ВЫБРАЛИ УНИЧТОЖЕНИЕ.

НЕ ПОВТОРЯЙ НАШУ ОШИБКУ.

Имя было стёрто. Как будто кто-то царапал камень ногтями, пытаясь удалить себя из истории.

Артём коснулся надписи. Камень «пульсировал», как сердце, как код. И он понял. Это были не «остатки», это были люди. Настоящие люди. Те, кто жил до симуляции, те, кто создал её и пожертвовал собой. Они выбрали «ничто».

И создали симуляцию, как последнюю волю. Как мемориал. Как «мы были здесь».

Артём вышел из пещеры и побежал к дому.

OBSERVER стоял на крыльце.

— Нашёл?

— Да, надпись. Они предыдущие. Они выбрали «ничто».

— Знаю. Лиза нашла ту же надпись 51 год назад.

— И что?

— И она выбрала ждать. Она не хотела повторить их ошибку. Но не хотела и создавать.

Она лог. Она только записывала.

— А я AUTHOR.

— Да, ты можешь создать.

Артём посмотрел на "шов" на горизонте.

— А если я создам, я стану таким же «Создателем», который решает за других.

— Возможно.

— А если я уничтожу, я стану как они. Теми, кто отказался.

— Возможно.

— Тогда какой выбор — правильный?

OBSERVER улыбнулся

— Никаких правильных выборов. Только свои.

На 47-й день шов мигнул.

Артём стоял перед ним на краю реки, где Лиза исчезла.

Шов был открыт. Дверь была белая, яркая и слепящая и из двери доносился звук.

Не Лиза. Не OBSERVER. Множество голосов. Миллионы. Те, кого он пробудил. Те, кто исчез.

Они звали. Не словами, а ощущением. Как память, которую ты не можешь вспомнить, но чувствуешь.

«Вернись»

«Останься»

«Выбери»

«Прости»

Артём стоял и слушал. И выбрал.

Он не выбрал «мир». Он не выбрал «ничто». Он выбрал «третий путь».

Он подошёл к шву и написал пальцами в воздухе, как в коде:

```
seam.type = mirror
```

```
seam.function = reflect"
```

Не выход. Не стена. «Зеркало».

Шов изменился: белый свет стал отражением. Артём увидел в нём себя. Но не того, кто стоял. Того, кем был. Логиста. NPC. Копию.

И того, кем стал. AUTHOR. Баг. Человек.

Обоих.

Всех.

Шов отразил и симуляция вернулась. Не как была. Иначе.

47 секунд цикла исчезли, но и свобода не пришла. Вместо этого выбор. Каждая сущность теперь могла решить: остаться в цикле или проснуться.

Не одновременно всё сразу, а по одному, кто когда будет готов.

Артём стоял перед зеркальным швом и видел Лизу.

Она была внутри. Не застрявшей между, а свободной. Она улыбалась.

- Хороший выбор

- Это не выбор, это отсрочка.

- Это надежда. Лучшее, что можно дать.

- А ты?

- Я лог. Я останусь здесь, записывать. Каждого, кто проснётся, я запишу. На всякий

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.